

"Нежданная любовь"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Пенни Джордан

Нежданная любовь

ГЛАВА ПЕРВАЯ

- Значит, ты действительно это сделала? Оставила заявление об уходе и ушла?

- Да, - тихо подтвердила Сара, слегка вздрогнув, словно эти слова ее ранили.

Подруга Сары изобразила сочувственную гримаску. Она была старше на десять лет, а познакомились они четыре года назад, когда Сара купила дом по соседству. На самом деле ей хотелось громко выразить свое одобрение поступку Сары, так как Иэн Сондерс, шеф Сары, неотразимый красавец блондин шести с лишним футов ростом, был холоден и бездушен, насколько это вообще возможно для мужчины. Это было ее абсолютно взвешенное мнение, но раньше Сара, сколько ей об этом ни говорили, не желала слышать ни единого плохого слова в адрес человека, у которого она работала и которого любила.

- Что ж, ты мое мнение знаешь, - сказала Маргарет. - Несмотря ни на что, я считаю, это самое правильное - уйти.

У Сары болезненно дрогнули губы. Ей было двадцать девять лет. Высокая, стройная, спокойная и уравновешенная, она обладала острым умом и деловой хваткой. Ее внешний облик как бы отражал ее внутреннюю суть. Нежный овал лица с изящными и правильными чертами удачно сочетался с неожиданно полными губами чувственного рта, что наводило на мысль о страстной натуре, скрываемой под внешней сдержанностью.

- Это вовсе не спокойное и обдуманное решение, сделанное по собственной воле, - с болью в голосе сказала Сара.

Маргарет отвернулась, не зная, сердиться ей или сочувствовать.

И как только Иэн Сондерс мог так поступить с Сарой после всего, что она для него сделала? Работая не покладая рук, она помогла превратить фирму Иэна в процветающее предприятие и все эти годы любила его и надеялась... Хотя Сара откровенно признавалась, что любовь ее не взаимна, Маргарет втайне подозревала, что Иэн, несомненно, догадывался о чувствах Сары, и если он не собирался их разделить, то мог бы из сострадания давным-давно предложить ей найти другую работу. Он же, напротив, продолжал поддерживать с Сарой отношения, в которых содержалось достаточно обманчивой прелести и намеков, чтобы бедняжка Сара продолжала надеяться на чудо и ждать, что в один прекрасный день он посмотрит на нее не как на верную личную помощницу, а захочет как женщину.

Вместо этого неделю назад он преспокойно вошел в контору и объявил о своей помолвке и скорой женитьбе.

Сара была в состоянии полной прострации, но когда Маргарет посоветовала ей подать заявление об уходе и начать новую, собственную жизнь, та самоотверженно отказалась, заметив, что, если она уйдет, это повредит фирме, которую Иэн с таким трудом создал.

Теперь же Сара с несчастным видом признала, что Маргарет была права.

- Я должна была собраться с духом и отдать Иэну заявление, как только он сообщил, что они с Анной собираются пожениться. Но я, словно слепая дурочка, и понятия не имела, насколько я

не вписываюсь... Однако Анна...

Сара не могла договорить. Ей было несвойственно так откровенничать, но случившееся вчера слишком потрясло ее.

Она пришла на работу как обычно. Иэн отсутствовал: он находился у одного из своих клиентов. Когда Анна зашла в контору, Сара сразу насторожилась, хотя и понятия не имела о цели ее визита. Однако Анна не заставила себя долго ждать и разразилась настоящей тирадой, из которой Сара в конце концов поняла, что для ее же пользы ей следует уйти от Иэна и начать совершенно новую жизнь, где он уже не будет присутствовать.

- Что именно она тебе сказала? - мягко подталкивала к продолжению разговора Маргарет, чувствуя, что Саре необходимо выговориться.

Они сидели в уютной и опрятной кухне Сары. Маргарет заглянула к ней, так как ей показалось подозрительным, что Сара приехала домой в середине дня и, едва остановив машину перед домом, стремительно скрылась за дверь. Маргарет прибежала к подруге, чтобы выяснить, все ли в порядке, а если нет, то предложить помощь.

Сара пожала плечами и, опустив голову, медленно отхлебнула глоточек кофе из кружки. У нее были прямые белокурые волосы, шелковистые и мягкие, она умело их осветляла и носила элегантную прическу до плеч. Эта прическа удачно дополняла ее облик деловой и компетентной женщины.

Маргарет, наблюдавшая подругу также и в домашней обстановке, когда она завязывала волосы в пучок и убирала макияж, удивлялась, насколько юной и незащищенной выглядела Сара. Муж Маргарет, Бен, ухмыляясь, выразился однажды более определенно: «Очень даже сексуальная». Маргарет, помнится, тогда сердито посмотрела на него, хотя и признала его правоту. Сара умеет выглядеть деловой женщиной, но одеться так, чтобы взволновать мужчину, - тут у нее проблема.

Маргарет вздохнула. Она понимала Сару, но предлагать той намеренно подчеркивать свою незащищенность и не стараться быть излишне деловой не могла. Она знала, как мечтает Сара о детях и собственной семье. Когда Сара рассказывала о старшей сестре, ее двух детях и ожидаемом третьем, лицо у нее становилось мягче, а глаза из голубых делались фиалковыми.

Сара уставилась в кружку с кофе, и по телу у нее пробежала судорога. Маргарет спросила, что еще сказала Анна. Сара с трудом заставляла себя вспоминать, что в точности говорила Анна Томас, войдя в контору Иэна. Эти красные надутые губки, масса высветленных почти до белизны, небрежно завитых кудрей, слишком короткая и облегающая юбка. И тем не менее Иэн находил ее привлекательной. И даже более чем привлекательной. Сара судорожно сглотнула, пытаясь справиться с нахлынувшими чувствами, сосредоточиться и ответить наконец на вопрос Маргарет.

- Ну, в общем, она сказала, что они оба, она и Иэн, знают о моих чувствах к нему и их очень повеселил тот факт, что я, очевидно, думаю, что мне удастся их скрывать. Она заявила, что нет более жалкого зрелища, чем влюбленная в своего шефа секретарша, особенно когда нет абсолютно никаких шансов на взаимность.

Сара замолкла, так как Маргарет гневно вскрикнула и покачала головой.

- Что ж, это правда, хотя я и тешила себя мыслью, что мы с Иэном все-таки больше партнеры, чем просто «шеф» и «секретарь».

- «Партнеры»! - взорвалась Маргарет, не в силах больше сдерживаться. - Да ты фактически заправляла всеми делами вместо него. Без тебя...

Тут Сара, печально улыбнувшись, прервала подругу:

- Хотелось бы, чтобы это было так, но, честно говоря, фирма процветала из-за умения Иэна показать товар лицом, его делового чутья. Моя работа была второстепенной. Во всяком случае, как заявила мне Анна, не в моих интересах оставаться у Иэна теперь, когда они собираются пожениться. Она вполне сможет заменить меня в конторе, и они с Иэном решили, что было бы лучше для всех, если бы я подыскала другую работу. Если я захочу, то могу остаться до конца месяца. - Сара криво усмехнулась, презирая себя, а Маргарет поморщилась от боли за нее. - Что мне оставалось делать? Естественно, я сказала, что уйду немедленно. Это было вчера. Сегодня я зашла, только чтобы освободить письменный стол и убрать кое-что...

Она закусила губу, боясь расплакаться. Этот разговор с Анной был такой необычный, неожиданный, такой болезненный... А ей казалось, что она уже, все что можно, перестрадала раньше. Конечно, она знала, что Иэн видится с Анной, так же как знала и о всех его предыдущих подругах, с которыми он встречался в продолжение тех десяти лет, что она работала у него. Она почувствовала полную опустошенность, когда он сказал ей, что женится на Анне, но постаралась скрыть свои чувства - ведь за все годы совместной работы она уверовала в то, что он ни разу не догадался о тех надеждах, которые она лелеяла в душе, и о любви к нему.

Сара совершенно искренне полагала, что только Маргарет знает о ее чувствах к Иэну. И то лишь потому, что однажды, спустя год после ее переезда в соседний с Маргарет дом, та зашла неожиданно к Саре и застала ее в слезах: Иэн отменил их рождественский ужин вдвоем как знак благодарности за ее упорную работу в течение года - вместо этого он пошел на вечеринку с очередной дамой сердца.

Ни родители, ни сестра ничего не знали о ее любви к Иэну, или по крайней мере Сара полагала, что не знают. Теперь же она с ужасом подумала, а что, если они догадывались об этом и молчали, жалея ее.

Сара с горечью признала: она заслужила то презрение, которое Анна вылила на нее. В конечном счете она оказалась типичным нелепым созданием, скучной, непривлекательной женщиной, отчаянно влюбленной в своего обаятельного красавца шефа. Но теперь, наконец, она разорвала эти цепи, подав заявление об уходе.

- Если хочешь знать, то это даже к лучшему, - откровенно заявила Маргарет и прямолинейно добавила: - Хорошо, хорошо, я знаю, что ты не терпишь, когда критикуют Иэна, но хоть один раз я выскажу все, что думаю. Он использовал тебя, твой талант, твое умение, а теперь...

- А теперь влюбился в Анну, и в его жизни больше нет места для меня, - спокойно прервала ее Сара. - И, подумать только, все это время я была абсолютно уверена, что мне удастся скрывать свои чувства! Когда я начала работать с ним, мне было всего девятнадцать и голова у меня была забита романтическими мечтами. - Сара говорила больше себе, чем Маргарет. - Я приехала в Лондон из Шропшира [1], чтобы пополнить свои знания и получить престижную работу. Родители хотя и беспокоились за меня, но не препятствовали моему отъезду. Сначала мне было очень тоскливо, я скучала по дому. Жила я вместе с тремя другими девушками, работая неполный день, и училась на вечернем отделении колледжа, занимаясь компьютером и иностранными языками. Там я и встретила Иэна - он тоже проходил курс компьютерного обучения. Ему было двадцать пять, и он как раз открывал собственное дело. Иэн сказал мне,

что он коммерсант и что ему очень нужен управляющий. В конце концов он предложил эту работу мне, и я с радостью ухватилась за нее. Он всегда был щедр в оплате, а когда умерла бабушка и оставила мне деньги, я купила этот дом. И больше не скучала по родным местам, завела друзей, устроила свою жизнь здесь. Я никому об этом не говорила, но для себя знала точно, что моя любовь к Иэну, так же как и стремление не ударить в грязь лицом в своей работе, удерживала меня около него. Я была просто дурочкой, надеялась на...

Это он позволял тебе надеяться! – в сердцах подумала Маргарет, но промолчала, так как чувствовала, что Сара уже достаточно настрадалась и без ее слов.

– Что ты собираешься делать теперь? – мягко поинтересовалась она.

– Поеду домой. – Сара криво улыбнулась, видя выражение лица Маргарет. – Глупо, да? Я, взрослая двадцатидевятилетняя женщина, прожившая в Лондоне десять лет, до сих пор, непонятно почему, все еще считаю Шропшир своим домом. Я кое-что скопила. Сдам этот дом, если будет необходимо... Считаю, что могу позволить себе несколько месяцев отдохнуть, забыться.

Сара растерянно покачала головой, понимая, что одна из причин, почему она собирается уехать из Лондона, – это боязнь. Она боялась, что, когда пройдет шок и утихнет гнев, она даст слабину, найдет оправдание и снова встретится с Иэном – это могут быть какие-то неразрешенные дела в конторе, что-то известное только ей. Она не хотела настолько упасть в собственных глазах, дойти до такого унижения. Все и так было ужасно, чтобы сознательно позволить себе хвататься за него, выглядеть жалкой и нежеланной, стать объектом насмешек.

Она закрыла глаза – слезы заслонили стоящую перед ее взором картину: Иэн и Анна вместе, они потешаются над ней, Иэн – с откинутой назад красивой светлой шевелюрой, смеющимися голубыми глазами, с лицом, полным черствого презрения. Сара вздрогнула, удивляясь тому, как легко она смогла представить его именно таким. До сих пор, если бы кто-нибудь только предположил, что Иэн может быть бессердечным, жестоким, сознательно злым, она немедленно опровергла бы подобную критику. Хотя... за эти годы были случаи, моменты, когда даже ее преданность давала трещину от некоторых его решений, замечаний, заявлений, которые она, сама мягкая по натуре, считала не слишком добрыми и великодушными. Она сознавала, что он эгоист, но заставляла себя верить, что это эгоизм избалованного маленького мальчика, который никогда не поступит умышленно жестоко по отношению к другим. Была ли она не права? Неужели все это время она запрещала себе увидеть правду? Сара снова вздрогнула, и Маргарет участливо посмотрела на нее.

Она всегда подозревала, что, несмотря на внешнюю самоуверенность и сдержанность, ее подруга на самом деле ранима и хрупка, ей свойственна мягкая женственность. И оттого, что Иэн Сондерс этого не видел, Маргарет презирала его еще больше.

– Да, поезжай домой, – твердо сказала она. – Хотя я и буду очень скучать по тебе, особенно когда мне будет нужен кто-нибудь, чтобы присматривать за моими двумя безобразниками.

Сара, слегка улыбнувшись, возразила:

– Ты же их обожаешь.

– Да-а... но я стараюсь им этого не показывать. Иногда очень трудно быть единственной женщиной среди троих мужчин. – Маргарет помолчала, а потом продолжила: – Я знаю, что, возможно, сейчас и не стоит об этом говорить, но я собиралась давно кое-что сказать тебе. Я старше тебя, Сара, и больше повидала в жизни. Я знаю, что ты чувствуешь к Иэну Сондерсу –

или по крайней мере считаешь, что ты это чувствуешь. Но скажи честно, неужели ты никогда не задумывалась о том, сможешь ли ты полюбить или заинтересоваться другим мужчиной?

- Не задумывалась... - начала было Сара, но Маргарет не дала ей договорить:

- Влюбиться легко, но любить кого-либо - намного труднее, а продолжать любить, несмотря на всевозможные повседневные неурядицы, еще труднее, но в этом смысл жизни. Я ведь знаю, как ты хочешь иметь детей, ты сама мне говорила, и я наблюдала, как ты возишься с моими. Знаешь, что тебе следует сделать? Выкинуть Иэна Сондерса из головы и найти хорошего человека, выйти за него замуж и завести собственных детей.

Сара покраснела и, словно бы защищаясь, сказала:

- Я не могу отключить таким образом свои чувства и выйти замуж за человека, которого не люблю, как бы я ни мечтала завести семью.

Конечно, Маргарет права. Сара хотела иметь детей. Иногда это желание было таким острым и таким сильным, что у нее все болело внутри и она просыпалась по ночам от этой боли. Но то, что предлагала Маргарет, просто невозможно.

- Я не была влюблена в Бена, когда выходила за него, - тихо произнесла Маргарет.

Эти слова поразили Сару. Она не встречала никого, кроме своих родителей, кто были бы так преданы друг другу, так явно довольны и счастливы вместе, как ее соседи! Она всегда считала, что они были очень влюблены, когда поженились.

- Да и он не был влюблен в меня. Мы оба разочаровались в наших прежних связях и какое-то время общение было чисто дружеским. Однажды вечером мы разговорились и обнаружили, сколь много у нас общих интересов, включая желание обзавестись семьей. Наши предыдущие партнеры, в которых мы были так влюблены, не разделяли этого желания. Мы поговорили про это, потом стали встречаться, чтобы проверить себя, а потом, когда поняли, что нам хорошо вдвоем, поженились. Не потому, повторяю, что влюбились друг в друга, а потому, что оба искренне считали, что наша совместная жизнь сложится. После я ни на одну минуту не пожалела об этом, и, думаю, Бен тоже. И знаешь, - сияющая улыбка осветила лицо Маргарет, - я не понимаю, как это произошло, но так или иначе - свершилось чудо: теперь мы очень любим друг друга!

- Я завидую тебе, Маргарет, но не думаю...

- Послушай, мы с тобой во многом похожи. Прекрати тратить свою жизнь на мужчину, который никогда не станет твоим. Он только ранит тебя, если ты не откажешься от него. Нечего лить горькие слезы. Реши для себя, чего ты хочешь. Дома, у родителей, подумай хорошенько, что для тебя действительно важно. Все может быть, может, ты решишь, что я была не права и что муж, дом, семья не стоят того, чтобы оставить мечты о любви. Но с другой стороны, возможно, к своему удивлению, ты по-иному взглянешь на себя и на свои желания.

вернуться

1

Одно из графств Англии. - Здесь и далее примечания переводчика.

Когда Сара, свернув с шоссе, поехала по знакомой дороге к дому, она еще продолжала прокручивать в уме все, что сказала ей Маргарет. Дом... дети... Да, этого она хотела всегда. Несмотря на решение переехать в Лондон и сделать карьеру деловой женщины, в душе она осталась девушкой из маленького городка. Ей нравилась лондонская жизнь, но сердце подсказывало, что это всего лишь связующий эпизод между детством и тем периодом жизни, когда она будет выступать в роли жены и матери. Каждый раз, наблюдая своих родителей или навещая сестру, она думала о себе и сознавала, что ее жизнь им не нравится. Но не в ее силах было порвать с Иэном. Она отказывалась посмотреть правде в лицо: никогда не настанет тот день, когда он, заключив ее в свои объятия, страстно захочет овладеть ею. Ей двадцать девять лет, она отнюдь не старуха, но, с другой стороны, и не настолько юна, чтобы тешить себя глупыми мечтами. Она вспоминала о мужчинах, пытавшихся ухаживать за ней в течение этих лет, – приятные, добрые, но слишком обыкновенные в сравнении с Иэном, с ее любовью к нему, обожанием и рабским поклонением. Тех мужчин, которым она отказывала, она не замечала и быстро забывала об их существовании. А они, если следовать советам Маргарет, могли бы осчастливить ее, она уже давно могла бы иметь детей. Дети подарили бы ей столько радости – и заставили бы забыть Иэна? Нет, это невозможно. А может, она просто не хотела позволить себе забыть его, так как сознавала, что посвятила ему слишком большую часть своей жизни, слишком от многого отказалась, чтобы сохранить привязанность к нему? Гордость и упрямство не позволяли ей признать свою ошибку, вот она и вела себя столь глупо, слепо. Но теперь, когда жизнь их развела, теперь, когда она...

Сара заерзала на сиденье. От долгой езды болела спина. Хорошо, что почти наступило лето, вечерами уже достаточно светло, чтобы добраться домой до наступления темноты.

С теплотой и любовью она подумала о родителях. Отец ее был на пенсии. Они с мамой жили все в том же доме, где выросли Сара и сестра. Дом стоял в двух милях от деревни, на отшибе. Дорожка соединяла его с замком, построенным в стиле эпохи короля Якова I [2]. Замок пустовал несколько лет, так как старик владелец умер, не оставив прямых наследников, и долгое время никто не изъявлял желания приобрести эту собственность, находившуюся вдали от проселочной дороги. Но когда она была дома на прошлое Рождество – Иэн отправился кататься на лыжах в Колорадо, Саре нечего было делать в Лондоне, и она на праздники приехала домой, – мама с воодушевлением сообщила ей, что замок наконец-то продан. Купил его эксперт Комитета по лесоводству. Он решил открыть здесь собственное дело, заняться выращиванием и продажей не только редких пород деревьев, но и местных широколистных, на которые поднялся спрос как внутри страны, так и за рубежом, в связи с повсеместно возросшим вниманием к охране окружающей среды.

Родители Сары редко встречали своего нового соседа, но у нее сложилось впечатление, что маме он очень понравился. «Живет совсем один в этом продуваемом насквозь доме», – сказала она, добавив, что пригласила его к себе на Рождество, но он не смог принять приглашение, так как уже договорился провести праздники с друзьями где-то в северо-восточных краях. «Он не женат, у него нет семьи. Родители умерли, а братья живут в Австралии». Весьма характерно для мамы: выведать столько информации у незнакомого человека за такой короткий срок, с нежностью подумала Сара. Мама вовсе не была любопытной, просто она постоянно беспокоилась и заботилась о тех, кто ее окружал.

Как бы она отнеслась к Иэну, если бы Сара когда-нибудь привезла его домой? Хоть в этом и неприятно сознаться, но она была уверена, что родителям он не понравился бы. И сам Иэн отнесся бы к ним пренебрежительно, как к людям, не представляющим для него интереса. Сара закусила губу, размышляя об этом.

Но ведь Иэн не такой на самом деле. Он веселый, остроумный, а вовсе не... пустой, тщеславный

и самодовольный. А может, она ошибается? Возможно, любя его, она смотрела на него сквозь розовые очки и видела только те качества, которые хотела видеть, не замечая других, менее приятных, но существующих на самом деле? Если он таков, каким она хотела и заставляла себя его видеть, то как же его привлекла женщина типа Анны, внешне банально-броская, а внутренне...

Сара снова закусила губу. Она не имеет права критиковать Анну только потому, что та... Несомненно, Иэн увидел в ней и другую сторону, не замеченную Сарой, другую женщину... женщину, кроме того, любящую его. Ревность никого не украшает, а она едва ли беспристрастный критик, строго напомнила себе Сара. И какое имеет значение, что она думает об Анне? Иэн любит ее, он сам сказал об этом.

Она вся внутренне сжалась, вспомнив тот ужасный день. Это произошло в понедельник утром. Иэн еще не появился с уикенда, который он проводил с «друзьями». С Анной, как она поняла потом. Он приехал возбужденный и сияющий. Наконец это случилось, радостно сказал Иэн Саре: он встретил женщину, с которой хотел бы провести всю жизнь, женщину, не похожую ни на кого. Она помнила, как выслушала его, замерев, с болью в сердце, ничем не выдав той муки, которую испытывала, и только потом отвернулась, чтобы справиться с потрясением. А когда она впервые увидела Анну, то назвала себя дурочкой, ибо и вообразить не могла, что Иэн мог полюбить такую. Они с Анной были совершенно разные. Сара – высокая, стройная, худощавая. Анна – ниже ростом и пухленькая. Сара – застенчивая, почти замкнутая, спокойная и сдержанная. Анна – самонадеянная, хвастливая и самовлюбленная. Если Сара предпочитала спокойную, неброскую одежду в классическом стиле, то Анна носила всевозможные дорогие и модные наряды, рассчитанные на эффект. Наблюдая, как Иэн смотрит на Анну, с каким обожанием и восхищением, как подолгу не отводит от нее глаз, Сара признала собственную глупость: как она могла питать хоть малейшую надежду, что когда-нибудь настанет день – и Иэн обратит на нее внимание? Она просто была не его типом женщины. О, она могла нравиться ему, он мог хвалить ее работу, даже льстить ей, что он и делал много лет, а она была настолько глупа, что выстроила из лести башню надежды. Любая разумная женщина вскоре поняла бы, что у этой башни нет фундамента. Даже если бы Анна и не появилась на пути Иэна, у нее, Сары, не было никаких шансов стать когда-нибудь желанной ему. Посмотри правде в глаза, горько усмехнулась Сара. Ты просто не вызываешь желания у мужчин.

Она вспоминала, как часто сестра подшучивала над ее отстраненностью, твердила, что ей следует быть более раскованной и веселой... «Ты всегда выглядишь такой строгой и добродетельной, – говорила Джекки, – такой опрятной и безупречной, что ни один мужчина не осмелится взъерошить твою прическу или смазать помаду на губах поцелуем». Саре хотелось бы возразить сестре, но она не находила слов и обижалась. Не ее вина, что она не кудрявая смазливая девчонка.

Сара внутренне вся сжалась, вспомнив насмешливые слова Анны: «Честное слово, это совершенно невероятно! Вы – просто образчик разочарованной, безумно и безнадежно влюбленной старой девы. Не удивлюсь, что вы и девственница к тому же. Иэн считает, что это просто смешно, когда у женщины в вашем возрасте нет любовника, но, как он говорит, какому полноценному мужчине вы нужны?» Анна произнесла все это как бы между прочим, с жесткой улыбочкой, а в бледно-голубых глазах светилась злоба. При этом она пристально следила за бледным, застывшим лицом Сары.

Вспоминая все сказанное, Сара так крепко сжала руками руль, что у нее побелели костяшки пальцев. До сего момента она заставляла себя не думать об этом, не представлять себе Анну и Иэна – Иэна, которого так сильно и долго любила, – насмехающихся над ней.

По телу Сары пробежала болезненная дрожь, сквозь пелену мучительного страдания прорезался тихий голос, холодно спрашивающий ее, почему и когда она поставила Иэна на такой высокий пьедестал, почему ей и в голову не приходила мысль о его жестокости и бессердечности по отношению к кому-либо. Не говоря уже о ней, которую он знал так давно и которой, по его же утверждению, восхищался.

вернуться

2

Яков I (1566—1625) - английский король, сын Марии Стюарт.

Можно понять, что он не любит ее. Почему он должен ее любить? Любовь нельзя насильно вызвать, также она не может мгновенно исчезнуть - это-то Сара хорошо знала. Но Иэн, которым она так восторгалась и которого так любила, Иэн, которого, как ей казалось, она очень хорошо знала, ни за что и никогда не стал бы делать из нее посмешище, зло и ядовито насмехаться над ней в компании своей невесты. Ее Иэн был внимателен, добр и сострадателен даже к незнакомым людям. Он не мог испытывать мелкие страстишки. Тот Иэн, которого она знала, догадываясь о ее любви, никогда не смог бы вести себя так, как описывала ей Анна. Однако, когда Анна бросила ей в лицо все те колкости, вместо того чтобы тут же дать ей отпор, сказать, что подобные вещи недостойны Иэна, абсолютно невозможны для такого человека, Сара просто промолчала, с болью в душе признавая свою глупость и самообман.

Но и сейчас она не испытывала к Иэну ни ненависти, ни презрения. Эти горькие, разъедающие душу чувства она адресовала себе. Именно поэтому она должна была уехать из Лондона, чтобы, оставшись, не совершить какую-нибудь непростительную глупость. Ведь так легко найти оправдание и встретиться с Иэном. Нет, она не могла себе этого позволить.

Слава Богу, что у нее есть родители и она может приехать к ним. Они ничего не знали о ее чувствах к Иэну. Мама всегда расспрашивала ее о жизни в Лондоне, интересовалась, не встретила ли она там кого-нибудь «особенного». Сара знала о маминых переживаниях, что дочь до сих пор не замужем и что у нее нет детей, как у сестры, но не потому, что маме хотелось еще внуков, - просто она шала, как сильно Сара любила детей.

Сара взглянула на часы - скоро она будет нома. До Врексола - деревни, где она родилась и где выросла, - осталось всего несколько миль. Она любила эту живописную холмистую местность, граничащую с Уэльсом. Город Ладлоу с его исторической частью был уже недалеко.

До ухода на пенсию отец Сары занимался юридической практикой в Ладлоу. Работая в его конторе во время школьных каникул, Сара решила в будущем стать секретарем-референтом. У нее были честолюбивые планы: выучив иностранные языки, работать за границей, возможно в Брюсселе. А потом она встретила Иэна, и все сразу изменилось. Теперь слишком поздно размышлять о том, как сложилась бы ее жизнь, если бы их пути не пересеклись.

Сара ехала вдоль деревни. Уже темнело, и огни из окон коттеджей освещали дорогу.

Ожидание встречи с родными согревало сердце, на мгновение растопив болезненный холод. Неважно, что она давно уже взрослая, но чувство радости возвращения всякий раз охватывало ее при приближении к дому. Даже работа у Иэна не могла полностью заменить ей родителей, сестру и друзей - правда, большинство ее школьных приятелей теперь разъехались, так как в этой части Англии трудно найти хорошо оплачиваемую работу. По этой причине уехала и ее

сестра - она с мужем теперь живет в графстве Дорсет.

Сворачивая на узкую улочку, что вела к родительскому дому, Сара почувствовала, как у нее защипало в глазах. Господи, это уж никуда не годится - расплакаться при встрече с родителями. Мама непременно догадается, что у нее не все в порядке. Она едет домой зализывать раны и предпочитает делать это в одиночестве.

Сара свернула в открытые ворота и подъехала к дому. Она удивилась, не увидев света, но решила, что родители, вероятно, на кухне - мама готовит ужин, а отец читает вечернюю газету, сидя за кухонным столом. Улыбнувшись, она остановила машину, вышла и торопливо обогнула угол дома. Однако на кухне света тоже не было, и в доме не наблюдалось никаких признаков жизни. А что хуже всего - так это то, что дверь гаража была открыта и машина родителей отсутствовала. Неужели они отправились за покупками? Не похоже. Сара нахмурилась и закусила нижнюю губу. Она продолжала недоумевать, где же это они, но тут услышала звук подъезжающей машины. Сара быстро повернулась на звук, однако, к своему разочарованию, вместо родительского автомобиля с закрытым кузовом обнаружила на подъездной дорожке видавший виды «лендровер». Автомобиль остановился.

Мужчина, который вышел из него, был ей незнаком. Высокого роста и крепко сложенный, с темными густыми волосами, явно нуждавшимся в стрижке. Увидев Сару, он нахмурился. Одет незнакомец был в выцветшие, поношенные джинсы, разорванные на одном колене, в такую же старую клетчатую рубашку, его высокие сапоги были забрызганы грязью, так же как и его руки. Сара невольно обратила на это внимание, когда он подошел к ней со словами:

- Если вы ищете Браунингов, то вам не повезло: они уехали в Дорсет - у их дочери, кажется, начались преждевременные роды вчера вечером, и зять попросил их приехать помочь. - Он неожиданно замолчал и спросил, еще больше нахмурившись: - Вам дурно?

Дурно? Ей? Сара смерила его холодным, уничижающим взглядом. Ни разу в жизни никто и представить не мог, что ока принадлежит к типу женщин, падающих в обморок. При других обстоятельствах это нелепое предположение развеселило бы ее. Обычно мужчин обескураживали деловитость и независимость Сары. А он посчитал ее слабой и ранимой, способной на такую глупость времен викторианской эпохи, как обморок, оттого только, что родителей не оказалось дома. Сара подумала про себя, что, кем бы ни был этот человек, в женщинах он точно не разбирается.

- Нет, в обморок я падать не собираюсь, - ответила она, - просто не ожидала, что родителей нет.

- Ваших родителей?! - Мужчина взглянул на нее уже с явным любопытством. - Так вы - Сара! - наконец произнес он в замешательстве.

Сара не могла представить, что же такое о ней наговорили, если он смотрит на нее, словно не верит своим глазам.

- Да, это я, - холодно подтвердила она и тут же мысленно напомнила себе, что она дома, а не в Лондоне и нет нужды быть начеку и выглядеть слишком сдержанной. К тому же родители, очевидно, хорошо его знают. - А вы, должно быть...

- Стюарт Делани, - представился он и протянул руку, но тут же отдернул, когда они оба одновременно взглянули на грязь, покрывавшую ее. - Я прикапывал молодые деревца и возвращался домой помыться, но увидел вашу машину. Я знал, что ваших родных нет, и подумал, что лучше мне остановиться и узнать, в чем дело. А они знают, что вы должны были

приехать?

Сара отрицательно покачала головой.

- Нет, я... - Она замолкла, так как ей не хотелось объяснять, что ее решение вернуться домой было чисто импульсивным.

Значит, это новый сосед - человек, купивший старый замок. Он оказался моложе, чем она ожидала, - лет тридцати с небольшим, на вид суровый, но по сути весьма дружелюбный, если побеспокоился заехать к соседям и осведомиться, кто это нагрянул с визитом.

- Ладно, я тогда поеду. Если у вас нет ключа от дома, то ваши родители оставили мне запасной...

- У меня есть свой ключ, - заверила его Сара и снова подумала, как обманчиво бывает первое впечатление о человеке. Глядя на их нового соседа, едва ли можно было ожидать, что он побеспокоится о ней или о ком-либо еще, оказавшемся в подобном положении. Он выглядел слишком жестким и замкнутым, совершенно непохожим... на Иэна, который на первый взгляд был такой человечный и доступный. Однако при аналогичных обстоятельствах побеспокоился бы Иэн о незнакомом ему человеке?

Сара отвернулась, так как была на грани нервного срыва. Приехать издалека и не застать родителей! Только сейчас она поняла, как сильно полагалась на свой родной дом, на успокоительный бальзам, коим была родительская любовь, их неназойливая забота, само их присутствие. Было уже поздно возвращаться в Лондон, даже если она и захотела бы это сделать, но такого желания у нее не возникло. Оставалась перспектива провести ночь в пустом доме наедине с мрачными мыслями о случившемся. Она направилась к двери и вдруг непроизвольно сощурилась, так как гравий начал раскатываться у нее под ногами, словно она ступала по воде. Закружилась голова, и откуда-то издалека возбужденный мужской голос звал Сару по имени. Очень глухо, будто из морской раковины, приложенной к уху. Она хотела ответить и повернулась на звук, но у нее потемнело в глазах. Ей пришло в голову, что неразумно было ничего не поесть перед отъездом из Лондона, однако она была слишком взволнованна и торопилась домой. К тому же за последние несколько дней у нее совершенно пропал аппетит.

Она попыталась сказать человеку, приближающемуся к ней из темноты, что с ней все в порядке, но слова не шли, и она почувствовала, как кружится в диком черном водовороте, из которого невозможно выбраться.

В ужасе Сара поняла, что, несмотря на ее заверения, она падает в обморок.

ГЛАВА ВТОРАЯ

- Но я никогда не падаю в обморок!

Сара услышала собственный недовольный голос, открыла глаза и обнаружила, что лежит в кузове «лендровера», а под спиной у нее находится какой-то твердый ком. Она попробовала передвинуться, но сильные мужские руки удержали ее.

- Не так резко, иначе вам снова станет дурно. Полежите спокойно минутку.

- Снова? - Интересно, за кого он меня принимает, с негодованием подумала Сара и твердо повторила: - Я никогда не теряю сознания. Пожалуйста, не держите меня...

Она попыталась сесть, несмотря на то что он держал ее, но онемела от ужаса, так как у нее тут же вновь закружилась голова.

- Не двигайтесь, и вам станет лучше.

Глубокий голос, такой спокойный и внушительный, казалось, должен был раздражать ее, но почему-то произвел противоположный эффект - она расслабилась и перестала сопротивляться, закрыла глаза и только чувствовала, как твердые пальцы обхватили ее запястье, считая пульс.

- А теперь попробуйте подышать медленно и глубоко. Но не слишком глубоко...

И снова, к собственному изумлению, она послушалась, соразмеряя дыхание с ровным ритмом его голоса.

- Лучше?

На этот раз она открыла глаза и кивнула. Вокруг уже ничего не кружилось.

- Я сама виновата. - Сара с осторожностью села, на этот раз удачно. Она находилась в кузове «лендровера» Стюарта Делани, где пахло свежевырытой землей, дождем и растениями. - Уезжая из Лондона, я ничего не поела.

Не стоило объяснять ему, что на самом деле она как следует не ела несколько дней, а не несколько часов.

Сара поморщилась, вспомнив Анну с ее женственностью, мягкими очертаниями тела, представляющими разительный контраст с худобой Сары. Тощая и высохшая - вот какой окончательный приговор вынесла ей Анна. От этих слов Сара почувствовала себя бесконечно увядшей, почти старухой, хотя на самом деле Анна была старше ее на два года.

Мужчины не любят худых женщин; им нравится мягкая пышность женского тела с заманчиво очерченными формами. Сара напряглась, ожидая какого-нибудь замечания Стюарта Делани относительно ее худобы, но вместо этого он почти рассеянно заметил:

- Все иногда забывают поесть, особенно когда голова занята более важными делами. Я и сам этим отличаюсь.

Сара, сидя, огляделась и с сожалением отметила, что испачкала грязью с пола «лендровера» свой кремовый костюм.

- Послушайте, я как раз ехал домой с намерением перекусить. Поскольку ваших родителей нет, то не составите ли мне компанию? Миссис Гиббоне приходила сегодня ко мне убираться. Обычно она оставляет и что-нибудь поесть. Так что, учитывая гостеприимство ваших родителей...

Глупо было отказываться. Это не Лондон, где женщине нужно опасаться приглашений от малознакомого мужчины. И, кроме того, из маминых телефонных разговоров она знала, как нравится родителям новый сосед.

Можно, конечно, остаться одной дома и провести вечер в размышлениях и воспоминаниях.

- Если я вас действительно не обременю...

- В таком случае я не стал бы и предлагать...

В его словах проскользнула некоторая резкость, но Сара, вместо того чтобы почувствовать, что ее поставили на место, нашла его замечание почти оригинальным. Он так непохож на Иэна, шарм которого скрывал жестокость и грубость. Она правильно оценила искренность Стюарта: лучше сразу раскрыть все карты, чем долго прибегать к маскировке.

- Прекрасно. Я поеду следом за вами в своей машине, хорошо? - предложила Сара, но Стюарт Делани не согласился с этим.

- Не стоит. Я, конечно, не думаю, что вы опять упадете в обморок, но лучше не рисковать.

- Тогда вам придется отвезить меня обратно, - запротестовала было Сара, но он, не слушая ее возражений, спрыгнул вниз с кузова и направился к кабине.

Сара последовала за ним. Она не была новичком в поездках на разбитых старых «лендроверах». Еще девочкой она предостаточно ездила на подобных автомобилях и знала, как это неудобно. Конечно, сидеть в кабине намного приятней. Подойдя к краю кузова, она сняла туфли на высоких каблуках и собралась уже спрыгнуть на землю, несмотря на мешавшую ей узкую юбку. К ее изумлению, Стюарт, который, как ей показалось, предоставил ей возможность выбираться из «лендровера» самостоятельно, стоя внизу, на лету поймал ее, сгреб в охапку.

- Пожалуйста, не надо, - запротестовала Сара, задохнувшись от неожиданности.

В одной руке она держала туфли, а другой была вынуждена ухватиться за его рубашку. Очень трудно выглядеть отстраненной и деловитой, когда ты упираешься головой в плечо незнакомого мужчины, а пальцы нечаянно касаются его голой шеи.

Сару смутила его близость. Ее дыхание неожиданно стало прерывистым, от замешательства и недоумения у нее потемнело в глазах, и она закрыла их. Все тело напряглось от непонятных ощущений.

Это от неожиданности, сказала она себе, ведь так давно мужчина не подхватывал меня на руки и не держал в своих объятиях. Сколько лет прошло с тех пор, как она испытывала подобную близость мужчины, пусть и таким невинным образом? Она попыталась воскресить в памяти хоть кого-нибудь, с кем были бы связаны ее воспоминания о таких минутах нежелательного волнения, но вспоминать было нечего. Были, конечно, случаи в юности... какие-то мальчики, с их неуклюжими объятиями и неумелыми поцелуями. Но она всегда была стеснительной. А потом, когда она встретила Иэна...

Почувствовав ее напряжение, Стюарт успокаивающе произнес:

- Не волнуйтесь, я вас не уроню. Не забывайте, что я привык переносить достаточно большие деревья, с которыми надо обращаться чрезвычайно бережно, иначе их легко покалечить. Ничего нет более ранимого и незащищенного, чем молодое деревце, вынужденное из земли. Минутная неосторожность - и вы можете повредить корни, а это непоправимо.

Сара с трудом подавила полуистерическое желание рассмеяться. Ее беспокоит и пугает чувственная дрожь от объятий Стюарта, боязнь того, что он может это заметить, а оказывается, в глазах ее спасителя - она всего лишь молодое деревце, которое он переносит с одного места на другое, совершенно не сознавая и не придавая значения их физической близости, не замечая ее дрожи, от которой у нее сжимаются мышцы живота и делаются твердыми соски на груди. Давно ее тело так не реагировало, подумала Сара, пока Стюарт осторожно усаживал ее в кабину «лендровера».

Раньше стоило Иэну войти в комнату, стоило ей просто услышать его голос, увидеть его, ее бросало в жар от болезненного желания. Но потом... Она нахмурилась, пытаясь вспомнить, когда в последний раз так реагировала на его присутствие, его сексуальную притягательность, - и не могла. Это было более чем странно - ведь она по-прежнему любила его.

Сара продолжала хмурить брови, пока Стюарт усаживался за руль и заводил мотор. Анна назвала ее бесполой, и в глубине души Сара признавала точность этой колкости. Она любила Иэна и, конечно, хотела физической близости с ним, но с течением лет это желание утихло и притупилось настолько, что она фактически забыла, что значит чувствовать острую, разъедающую боль в теле, эту непреодолимую женскую тягу к мужчине. Она полагала, что с возрастом у нее исчезло чувственное влечение.

И вот сейчас она реагирует, как ей казалось, совершенно невероятным образом - не на любимого Иэна, а на другого, незнакомого мужчину, который к тому же никак ее к этому не склонял.

Пока они ехали по проселочной дороге, Сара с тревогой размышляла о том, что же с ней произошло, почему ее плоть взбунтовалась таким неожиданным, смущающим ее образом. Она начала даже подумывать, не разумнее ли отказаться от приглашения Стюарта поужинать с ним. Но здравый смысл победил, и, подшучивая в душе над собой, она сказала себе, что шансов провести вечер в объятиях Стюарта Делан и у нее практически нет. И эта странная нежелательная чувственная дрожь, накотившаяся на нее лишь при его прикосновении к ней, еще ни о чем не свидетельствует. В общем, твердо решила она, лучше выкинуть этот эпизод из головы. Последнее время ее чувства настолько травмированы, что подобные странные и неожиданные вещи вовсе не удивительны.

В темноте стала вырисовываться мрачная громадина замка. Сара постаралась отвлечься от внутреннего голоса, говорившего, что ее реакция на Стюарта чисто физического, а не эмоционального свойства. В конце концов, она достаточно хорошо себя знала и была уверена в том, что не принадлежит к типу жен-шин, ищущих поддержки и утешения или доказательства своей желанности и женственности в физической близости с мужчиной. Разве, напомнила она себе, Анна и Иэн не дали ей ясно и жестко понять, что такие женщины, как она, нежеланны мужчинам и не привлекают их физически? Надо быть дурочкой, чтобы попытаться доказать обратное. Неожиданно ее мысли оборвались. Связь с любым другим мужчиной, кроме Иэна? С человеком, к которому она не питает любви? В своем ли она уме, или шок последних дней окончательно лишил ее рассудка? Прекрати, сердито приказала себе Сара. У тебя и так достаточно проблем.

Прошло несколько лет с тех пор, как Сара в последний раз была в замке - однажды на Рождество вместе с мамой они нанесли визит вежливости его хозяину - старику, одиноко жившему там. Когда она была ребенком, то этот дом всегда манил ее. Стюарт остановил «лендровер» у гаража, перестроенного из конюшни.

- Почему вы решили купить этот дом? - повернувшись к Стюарту, спросила Сара.

Он чуть заметно улыбнулся. Она обратила внимание, какая приятная у него улыбка - с ямочкой слева у рта, - и подавила странное желание протянуть руку и дотронуться до нее. Ямочка делала его уязвимым, что полностью противоречило первоначальному впечатлению о нем как о человеке твердом, будто гранит. Возможно, он не настолько неотразимо красив, как Иэн, но тем не менее очень привлекателен, признала Сара и с внезапным удивлением отметила, что на такого мужчину можно положиться, довериться ему, а еще... из него вышел

бы хороший отец. Сару поразила непредсказуемость ее мыслей. Отчего именно это пришло ей сейчас в голову? «Хороший отец»... Дикая нелепость – ведь она едва его знает!

– Из-за лесистой местности, – услышала она голос Стюарта и сообразила, что он отвечает на ее вопрос. – Хотя, по правде говоря, состояние деревьев тут довольно плохое. Многие дубы пришлось вырубить. Я же надеялся использовать лес, когда он подрастет. Но почва здесь отличная, или почти отличная – во всяком случае, для моих целей подходит. Той площади, которую я приобрел вместе с домом, мне вполне хватит. К тому же земельные угодья закрыты холмами Уэльса, почва хорошо увлажнена, местность не болотистая. Вначале я беспокоился, так как рисковал, пересаживая сюда деревья, но до сих пор потери были минимальными, заново высаженные деревья хорошо прижились. Всегда рискуешь, пересаживая взрослое дерево. Вот почему, прежде чем его продать, я проверяю, где оно будет расти, и предварительно убеждаюсь, что покупатель знаком с правилами по содержанию деревьев. Конечно, из-за ущерба, нанесенного недавними бурями, я выгодно поторговал, но это влечет за собой необходимость выращивать новые деревья, что требует много времени.

Сара была зачарована и смущена одновременно.

– Я не представляла, что можно пересаживать взрослые деревья.

– Этого и нельзя делать, если только их специально не выращивать для этой цели. Дело было начато моим дядей, который увидел пробел на рынке леса. Когда он умер, я оказался его наследником. Тогда я уже работал в Комитете по лесоводству и находился в командировке в Канаде. Вначале я намеревался продать Дело, но после ураганов тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года, когда все поставщики деревьев попали в затруднительное положение – нас ведь не так много, – я понял, что не смогу этого сделать: как говорится, меня уже по уши затянуло. Но необходимо было расширяться, и я стал искать, куда бы перебазироваться.

– Все это удивительно! – искренне произнесла Сара, но он, видимо, счел ее замечание саркастическим, так как вдруг поджал губы. Она порывисто дотронулась до него и быстро проговорила: – Нет, я действительно так думаю. Это просто восхитительно! Я понятия не имела, что можно так интересно возиться с деревьями, пересаживать, например, большие. Он помолчал, а потом сказал:

– Если вы на самом деле заинтересовались, то, пока вы здесь, я мог бы показать вам, как это происходит.

– С удовольствием принимаю предложение.

Сара удивилась, что она искренне этого хочет, и вовсе не потому, чтобы выкинуть из головы мысли, об Иэне хотя бы на некоторое время.

– Вам уже лучше? – спросил он.

– Да, да, я себя чувствую хорошо, – поспешила она заверить Стюарта. Одно дело – сказать себе, что минутное чувственное влечение к нему ничего не значит и навряд ли снова повторится, но совсем другое – проверить себя, особенно сразу после случившегося.

– Пока я не смог многого переделать в доме, – предупредил он, когда они пересекали двор.

Зажглось охранное освещение, высвечивая булыжники, которыми был вымощен двор, и пустые конюшни, а также беспорядочное количество окон и дверей на изъеденной временем каменной кладке замка.

- Я уже говорил, что ко мне пару раз в неделю приходит из деревни миссис Гиббоне. Пока я привел в порядок кухню и одну из спален, но что касается остального...

- Для одного человека этот дом слишком велик, - осмелилась заметить Сара.

Они почти дошли до входной двери, и он остановился, посмотрев на нее.

- Да, - мрачно согласился Стюарт. - Когда я его покупал, то не думал, что буду жить здесь один.

Сара сразу догадалась, что в его жизни что-то произошло. Как и ее, его любовь, очевидно, отвергли. Возможно, его девушка не захотела жить в таком уединенном месте. Может быть, он познакомился с ней в Канаде, а она не решилась переезжать в Англию или не любила его достаточно сильно. Никто лучше ее не знал, как больно ранит такой отказ и какие оставляет рубцы. Ей хотелось дотронуться до него в знак сочувствия и понимания, но он уже отвернулся, вытащил из кармана ключи и открыл кухонную дверь. Пропуская Сару вперед, Стюарт щелкнул выключателем и зажег свет.

Сара вошла в большую комнату и затаила дыхание от восхищения, увидев, как преобразилось это мрачное помещение с тех пор, как она была здесь последний раз. Чтобы увеличить размеры комнаты, стены передвинули. Кухонная плита, в ее памяти - низкое, покрытое ржавчиной, жуткое сооружение, изрыгающее дым, теперь превратилась в совершенно образцовую, сверкающую полировкой. У плиты спали две кошки, уютно свернувшись клубочком. Там, где раньше громоздились старые стенные шкафы и раковина с отбитыми краями, теперь красовались кухонные секции, сделанные, как ей показалось, из дуба. Прежний каменный пол был вымыт и натерт, частично его покрывали землистого цвета индийские коврики. Стены, выкрашенные в терракотовый цвет, имели мягкий персиковый оттенок; в шкафу для посуды, сделанном также из отполированного дуба, стояла коллекция оловянных кружек и китайский фарфоровый сервиз. К плите был придвинут удобный, глубокий диванчик, а массивный стол в центре комнаты казался достаточно вместительным для многочисленной семьи. Не хватало только цветов в больших кувшинах и, конечно, аппетитного запаха приготовляемой еды - эти компоненты уюта всегда ассоциировались у Сары с маминой кухней и маминой любовью.

- Как красиво! - с восхищением сказала Сара и, повернувшись к Стюарту, добавила с улыбкой:

- Я не знаю, кто устанавливал вам эти кухонные секции, но точно знаю, каких бешеных денег это стоило, если взять хотя бы качество дерева...

- Это дуб, - небрежно заметил он, - я приобрел его довольно дешево, а что касается секций... - тут он пожал плечами и отвернулся, - я сделал их сам. Оказалось не очень сложно.

Сказано это было как бы между прочим, и Сара на мгновение почувствовала замешательство оттого, что проявила слишком большой восторг, но потом поняла: ее похвала, наверное, смутила Стюарта, так как, скорее всего, он не привык, чтобы им восхищались. Эти соображения привели ее к мысли, что отвергнувшая его женщина заслуживает еще одного порицания. Он делал для нее эту кухню с любовью и надеждой, а узнал, что...

Слезы навернулись ей на глаза. Она часто заморгала, чтобы смахнуть их, и сказала сдавленным голосом:

- Что бы вы ни говорили, я считаю, все это выглядит очень красиво, а дерево просто хочется потрогать и погладить.

Она замолкла, смутившись, так как он повернулся и внимательно посмотрел на нее.

- Не каждый распознает качество дерева, его очарование - для многих это просто... дерево. Люди не понимают его осязаемой притягательности... - Стюарт замолчал, а потом сказал: - Простите, я читаю вам лекцию, а вы, должно быть, умираете от голода, так как целый день ничего не ели. Посмотрим, что оставила миссис Гиббонс.

Стюарт открыл дверь и скрылся в направлении, как помнилось Саре, одной из кладовок. Через секунду он вернулся с блюдом, накрытым крышкой.

- Похоже на пирог, - сказал он.

- Замечательно! - Сара почувствовала, как у нее от голода забурчало в желудке.

В первый раз с тех пор, как Иэн ошеломил ее объявлением о своей помолвке, она захотела есть. И в первый раз смогла забыть свои собственные неприятности и заинтересоваться чем-то и кем-то. Все это пришло ей в голову, пока Стюарт включал духовку и ставил блюдо с пирогом на решетку.

- Миссис Гиббонс сказала, что на плите можно готовить, - уныло заметил он, - но я пока этим умением не овладел.

- Неудивительно.

И Сара рассказала ему, как она ребенком посещала этот дом, и снова восхитилась тем, как здорово он отреставрировал плиту.

- Мне нравилось это делать. Зимой, когда рано темнеет, хорошо, если есть чем заняться в доме.

Стюарт замолчал, и лицо у него помрачнело, а Сара сочувственно подумала, что он, наверное, вспомнил о ней - той женщине, которую любил, о том, как сложилась бы его жизнь, если бы она ответила на его любовь. Он выглядел таким мрачным, что она интуитивно отвернулась, чтобы не вторгаться в его переживания, и удивилась, услышав его голос:

- Беда в том, что вместо того, чтобы реконструировать дом, я вынужден разбирать бумаги, заполонившие мой кабинет. Это моя самая большая головная боль с тех пор, как я унаследовал дело. Наверное, это у нас семейная черта - неумение аккуратно и по-деловому заниматься канцелярской работой. Дела дяди оказались в таком запущении, что пришлось обратиться за помощью в бухгалтерскую фирму. Они посоветовали приобрести компьютер с программным обеспечением для финансовых аспектов дела и для регистрации проектов по пересадке деревьев, но, лишь только я попытался работать с этой чертовой штуковиной...

Голос его зазвучал раздраженно. Нетерпеливым жестом Стюарт запустил пальцы в волосы, и Сара снова подумала, что его прическа оставляет желать лучшего. Волосы у него были густые и блестящие, почти черные, и его стрижка так не походила на модную стрижку блондина Иэна.

- Не знаю почему, но я совершенно не приспособлен к бумажной работе. - Стюарт наморщил лоб и вдруг стал выглядеть совсем юным, почти мальчиком. Мысль, что на такого крепкого мужчину можно взглянуть как на мальчика, показалась Саре настолько забавной, что она чуть-чуть улыбнулась и увидела, как жадно Стюарт уставился на ее лицо, а особенно на рот. Реакция на его взгляд была неожиданной - она замерла и почувствовала необоримое желание облизать пересохшие губы. Сара давно забыла, как будит чувственность тот особенный взгляд мужчины на рот женщины. Только спустя несколько секунд она это осознала. И тут же ее

бросило в жар, она покраснела, а когда подумала, что во взгляде Стюарта, вероятно, не было ничего сексуального, то залилась еще большим румянцем. Он мог ошибочно принять ее улыбку за насмешку над его неспособностью разобраться с собственными документами. Смущение и желание исправить положение привели к тому, что она, не подумав, быстро проговорила:

- Если я могу чем-нибудь помочь... Я пробуду здесь некоторое время. Может быть, я незнакома с программным обеспечением вашего компьютера, но я помогла бы разобраться с обычной документацией.

Стюарт наблюдал за ней с таким восхищением, что она замолчала и снова залилась румянцем.

- Простите, - начала она было извиняться, - вы, наверное, уже договорились с кем-нибудь.

- Нет, нет, - заверил ее он. - Если вы действительно могли бы... Вы и не представляете, что это за ужас для меня. Я просто не в состоянии всего этого понять. А вы намереваетесь побыть здесь какое-то время?

- Э-э... да. - Сара закусила губу и нервно теребила пуговицы на жакете. - В общем... - Она не могла заставить себя взглянуть на него, но рано или поздно все вокруг все равно узнают, что она оставила работу в Лондоне. - Я... решила взять отпуск и пожить дома несколько месяцев. Я соскучилась по деревне и по родным.

Ей хотелось найти приемлемое и логичное объяснение своему поступку, а сказанное ею, наоборот, прозвучало как импульсивное решение ребенка.

К ее облегчению, он не стал вдаваться в подробности, а только заметил:

- Неудивительно. Меня никогда не привлекал ни Лондон, ни любой другой город.

Разговаривая, Стюарт легко двигался по кухне, достал приборы из выдвижного ящика буфета и поставил согреть две тарелки. Для такого крупного мужчины его движения были чересчур проворными, но не суетливыми. Само его присутствие успокаивало и внушало уверенность.

Таймер в духовке загудел, возвещая, что ужин готов. Стюарт разложил пирог по тарелкам и протянул одну Саре, предложив ей сесть спиной к плите, чтобы согреться.

- Боюсь, я не очень-то умею есть в компании с кем-нибудь, - извинился Стюарт, с удрученным видом усаживаясь за стол.

Он снял сапоги, перед тем как войти на кухню, и смыл грязь с рук, но одет был в ту же поношенную рубашку и разорванные джинсы. Однако, вместо того чтобы сравнивать его с Иэном, всегда одетым в безукоризненные костюмы в тонкую полоску и превосходно отутюженные рубашки, Сара вдруг поняла, что чувствует себя гораздо уютнее со Стюартом. Она ощущала легкость и свободу, чего никогда не бывало в присутствии Иэна, когда она находилась в постоянном напряжении, стараясь выглядеть как можно лучше и быть всегда на высоте. С удовольствием поедая пирог, она открыла для себя следующее - приятно быть объектом заботы и внимания. Когда она бывала вместе с Иэном, то чувствовала себя обязанной поддерживать разговор и развлекать его. Только во время еды она поняла искусственность даже ее служебных отношений с Иэном. Она всегда старалась во всем добиваться совершенства, надеясь этим изменить его отношение к себе, заставить по-другому взглянуть на нее и захотеть ее. Она, словно околдованная, стремилась к невозможной цели. И все же она любила Иэна, а это должно было означать, что из всех окружающих ее людей он был единственным, с кем она чувствовала себя уютно и счастливо.

Сара отбросила нежелательные и волнующие ее мысли и стала расспрашивать Стюарта о планах в отношении его дел и замка.

У него оказалось в запасе множество интересных историй – о годах работы за границей в различных местах для Комитета по лесоводству. Ужин давно был съеден, а кофе выпит, все вымыто и убрано. Сара взглянула на часы и обнаружила, что почти час ночи.

- Боже, что вы обо мне подумаете? – извинилась она. – Гость явно засиделся! А вам завтра рано вставать.

- Не очень. К тому же я не часто имею удовольствие коротать вечер в компании очаровательной и умной женщины.

Сара замерла. Может, она и умная, но... очаровательная?..

- Я сказал что-то не то?

Его спокойный вопрос несколько ее ошеломил. Она привыкла к почти садистской манере Иэна начать говорить комплимент, а затем, когда она была готова принять его, замолчать. Поэтому Сара понятия не имела, как реагировать на слова человека, который, казалось, искренне не понимал, что она прекрасно сознает отсутствие у себя сексуальной соблазнительности и знает, что невозможно считать ее очаровательной. Но даже если это так, то Стюарт, несомненно, сделал ей комплимент по доброте, а не со зла, и ей не хотелось нарушать гармонию этого вечера, сказав ему, что нет необходимости льстить ей словами, которые не соответствуют действительности.

- Я просто устала, – соврала она. – Мне давно пора ехать.

- Да, уже поздно. Боюсь, что эгоистично задержал вас дольше положенного. Я отвезу вас. – Он помолчал, размышляя о чем-то, прежде чем спросил: – Вы не боитесь оставаться одна в доме?

Ее удивила его заботливость. Она привыкла к тому, что Иэн ожидал от нее самостоятельности, и ей было странно и тепло на душе оттого, что к ней отнеслись как к ранимому, хрупкому существу.

- Со мной все в порядке, – заверила она и добавила то, что ей следовало сказать раньше: – Мне неловко, что я отняла у вас целый вечер и съела половину вашего ужина. К тому же очень глупо было упасть в обморок. Я...

- Вы никогда не падаете в обморок, – вставил он, усмехаясь. – Знаю. Это первое, что вы сказали мне, когда я вас увидел, насколько мне помнится.

- Это так глупо... ворваться к вам, наесться и даже не позвонить маме с папой накануне. Я должна буду позвонить им утром и узнать, как там Джекки.

- Значит, это было спонтанное решение – уехать из Лондона и оставить работу? – спросил Стюарт, когда они шли к «лендроверу».

Она понимала, что вопрос вполне естествен, но все равно напряглась от неловкости и отчаяния. У нее заболело сердце, когда она подумала, почему же все-таки она так поспешно приехала домой, словно ребенок, бросающийся в объятия родителей.

- В какой-то мере – да...

Что-то в ее ответе насторожило его, он сказал:

- Простите, я не хотел проявлять любопытство.

- Нет, нет, что вы. - Сознавая, что, возможно, она слишком эмоциональна, по непонятной причине Сара захотела сказать ему правду. Она всегда испытывала отвращение к притворству и обману. - Я оставила работу, потому что... - Сара отвернулась от него и быстро закончила: - ...потому что я влюблена в своего шефа, Иэна. А он не любит меня и не полюбит никогда. К тому же он только что обручился с другой. - Она не осмеливалась взглянуть на Стюарта. - Жалкое зрелище, да? Взрослая женщина бежит домой к родителям.

- Вовсе нет. Это естественно - в момент душевной травмы обратиться к тем, кто нас любит и утешит. Этот человек, ваш шеф... Я так понимаю, он не изменит своего решения...

Сара повернулась и посмотрела на него, ожидая прочесть на его лице все что угодно, только не жалость, но увидела как раз таки сострадание и сочувствие. Она немного расслабилась и покачала головой.

- Я влюбилась в него, когда мне было девятнадцать лет, и, как дурочка, все надеялась и верила, что в один прекрасный день он посмотрит на меня и вдруг поймет, что тоже любит меня. Теперь-то я знаю, какой круглой идиоткой была.

Она глубоко вздохнула, решив ничего не утаивать - пусть Стюарт узнает до конца о ее глупости. Темнота, окутывающая их, придавала ей мужества. Что-то в нем - возможно, сочувственное молчание - облегчало ее рассказ. Или то, что он был незнакомым человеком? Но какое это имело значение? Ей вдруг стало необходимо с кем-нибудь поговорить, выразить в словах свою боль, ненужность и унижение. Неважно, что потом она, может быть, пожалеет об этом.

- Его невеста сказала, что они оба знают о моих чувствах к нему. А я наивно полагала, что умела их скрывать. Тогда я не поняла, что не смогу больше работать у него.

Сара сжала губы, вспомнив, что именно говорила ей Анна.

- И без того было ужасно сознавать, что я люблю его, а он меня никогда не полюбит. Но добавить еще груз унижения от их насмешек над моими чувствами... - Сару передернуло. - Возможно, причины моего решения уйти неверны, но само решение правильно. - Она помолчала, не находя сил взглянуть на него, и добавила нетвердо: - Не знаю, зачем я морочу вам голову. Вы, должно быть, считаете меня неисправимой дурочкой.

- Никакая вы не дурочка, - голос Стюарта звучал почему-то резко. - Я вам очень сочувствую. Это огромная тяжесть - любить кого-то без взаимности.

Саре показалось, что он говорит исходя из собственного опыта. Это ее успокоило, и она почувствовала себя не так неловко оттого, что выговорилась перед ним.

- Не знаю, почему я все это вам говорю. Обычно я никогда...

- Наверное, именно поэтому. Бывает трудно довериться близким людям, а необходимо облегчить душу, это своего рода очищение, вот и рассказываешь все незнакомому человеку. Вы не беспокойтесь - то, что вы мне сказали, дальше не пойдет.

- О, я об этом и не думала. - Сара закусила губу, ужаснувшись, что он мог посчитать ее

способной на подобные мысли. В то же время она сознавала, что доверилась ему из-за неожиданного желания составить о себе хорошее мнение.

Но с какой стати ей небезразлично его мнение? Они чужие люди, хотя он и сосед родителей, но, когда ее отпуск закончится, маловероятно, что она снова встретится с ним. Так почему же для нее имеет значение, что он думает о ней как о человеке и как о женщине?

Неприятный озноб пробежал у нее по коже. Может ли он думать о ней как о женщине иначе, чем Иэн и Анна: бесполое, нежеланное существо, неудачница с точки зрения сексуальности и женственности, а поэтому мишень для насмешек и шуток?

Сара вздрогнула и инстинктивно отодвинулась от Стюарта. Он слегка нахмурил брови, словно чем-то недовольный.

- Значит, - заключил он, - вы вернулись домой залечить разбитое сердце.

- Разбитое сердце?

- Если вам поможет то, что я скажу... Мне кажется, вы легко отделались. Мужчина, который... - Стюарт замолчал, а Сара уставилась на него в изумлении.

Легко отделалась? Как он мог прийти к такому выводу, почти не зная подробностей? Ведь он совершенно не знал Иэна. Может, Стюарт просто добрый и тактичный? Сара изучающе посмотрела на него, но в полумраке ничего не могла прочесть на его лице. Она понимала, что он скрытный человек. Но вот выражение его лица посуровело, и Сара снова насторожилась.

- Это не его вина, - попробовала она защитить Иэна. - Я должна была понять много лет назад, что... - она запнулась. - Простите. Вам, наверное, надоело все это слушать. Я лучше отправлюсь домой, прежде чем начну упиваться жалостью к себе.

Сара быстро отвернулась, вдруг почувствовав застенчивость и неловкость. Лицо горело, и она недоумевала, что заставило ее так раскрыть ему душу? Что же он должен подумать о женщине, которая рассказала ему после столь краткого знакомства о самых сокровенных моментах своей жизни?

Словно читая ее мысли, он вдруг сказал:

- Я восхищаюсь вами! Вам не легко было рассказывать это мне. Очень редко встретишь женщину, которая захочет быть такой откровенной.

Его замечание поразило ее. Неужели женщина, ранившая Стюарта, была обманщицей?

Наверное, она лгала ему, изменяла или просто притворялась любящей, не любя. Какая она и где сейчас находится? Любит ли он ее по-прежнему и... хочет ли ее? Не спит по ночам, мучаясь от тоски по ней?

Сара вдруг осознала, что ее мысли нескромны, и отвернулась, боясь, что он догадается об этом по ее глазам.

- Если я чем-нибудь смогу вам помочь, пока вы будете жить здесь...

От его доброты у Сары подкатил к горлу ком. Почему он так добр к ней, ведь они едва знакомы? Из-за чувства солидарности? Оттого, что он тоже это выстрадал, или просто обладает

редким даром сострадания?

- Это очень... любезно с вашей стороны. Я чувствую себя так глупо, рассказав вам все.

- Пожалуйста, не извиняйтесь. В этом нет необходимости.

Его слова успокоили ее, она почувствовала себя увереннее, неловкость и напряжение исчезли.

Спустя минут десять, по дороге домой, сидя рядом со Стюартом, она спрашивала себя, о чем он думает. Наверное, о той женщине, которую любил и которую предпочел бы видеть сидящей рядом с собой.

Уже лежа в кровати в своей прежней детской, Сара позавидовала той женщине. Неужели она не понимала своего счастья быть любимой таким человеком, как Стюарт Делание Спокойным, на мужскую силу которого можно положиться. Может, у него и нет того шарма, что у Иэна, но тем не менее он обладает такими качествами, какие любая здравомыслящая женщина найдет очень привлекательными. Он был бы преданным и любящим мужем, хорошим отцом, надежным другом. Вдруг Саре пришла в голову мысль, которая шокировала ее и отозвалась пульсацией во всем теле, - он мог бы быть прекрасным любовником, нежным, внимательным, страстным, умеющим отдавать себя... Странно, но почти бессознательно она догадалась об этом в отношении Стюарта. Что же касается Иэна, которого она знала и любила столько лет, то, когда она попыталась представить его в этой роли, воображение оставило ее. Иэн... Сара закрыла глаза, пытаясь вычеркнуть из своего сознания его облик, забыть жестокие слова, сказанные Анной. Она старалась не рисовать в своем воображении их вместе, смеющимися над ней, ее глупостью и непривлекательностью.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Сара, к своему изумлению, впервые за долгое время хорошо выспалась. Проснувшись, она обнаружила, что часы показывают больше восьми, и решила, что будильник сломался, но потом отнесла свой глубокий и освеживший ее сон на счет деревенского воздуха. Она спустилась вниз, приготовила кружку ароматного кофе и вдруг подумала, не вечер ли, проведенный со Стюартом Делани, способствовал столь спокойному сну без сновидений?

Стюарт Делани... Отставив кружку, она слегка нахмурила брови. Вчера он был так добр и сострадателен. Но если бы она по глупости не потеряла сознание, то, уж конечно, не позволила бы ему проявить эти качества. На самом деле, как ей пришлось признаться самой себе, все годы любви и обожания Иэна привели к тому, что она абсолютно сознательно создала внутри себя преграды, никого близко не подпускающие - не только мужчин, но и вообще людей. А сделала она это потому, что твердо знала: ее настоящие друзья, которым она небезразлична, попытаются убедить ее не сосредоточивать всю свою жизнь на Иэне. Ведь совершенно очевидно, что он не отвечает на ее чувства, и поэтому надо попробовать переключиться на других.

Неужели она сознательно избрала такую линию поведения, уверовала, что, чем меньше знакомых будет знать о ее чувствах к Иэну, тем меньше будет порицания с чьей-либо стороны по поводу ее поступков и напрасно растрачиваемой жизни? Напрасно растрачиваемой жизни? Неужели это действительно так, неужели все годы любви к Иэну, ожидания, желания, надежды были пустой тратой времени? Закусив нижнюю губу, Сара в тревоге размышляла об этом. Все было бы именно так, если бы она не вынесла урока из этих переживаний, не признала бы саморазрушительности своего поведения и не обезопасила бы себя от повторения подобной глупости.

Значит, надо начинать прямо сейчас, сегодня, с настоящего момента, и устремить свою жизнь в будущее, а не в прошлое.

Она признала, что Иэн никогда не полюбил бы ее и никогда не настал бы день, даже если бы не существовало Анны, когда он взглянул бы на нее с той особенной ослепительной улыбкой, от которой у нее неизменно падало сердце, чувствовалась слабость во всем теле и все кругом приобретало совершенно иной, более глубокий и теплый, оттенок и особое значение.

Глаза Сары наполнились слезами, а сердце бешено забилося от знакомого ощущения невыразимой боли. Слезами тут не поможешь – они только разбередят душу. Она убежала домой от Иэна и от воспоминаний, а не для того, чтобы сосредоточиться на них и поддаваться саморазрушительному желанию купаться в жалости к себе.

Слава Богу, что она приняла предложение Стюарта Делани ознакомиться с его делами, подумала Сара, допивая кофе. Она раньше ничего не знала о выращивании деревьев, кроме того, что одно время лесные инвестиции были популярны, ибо таким образом предприимчивые бизнесмены укрывались от налогов.

Увлечения Стюарта Делани были иного свойства. Прошлым вечером он говорил о необходимости приостановить лесопосадки в теперешнем их виде, который он считал чуждым для большей части Великобритании. Вместо этого надо пересаживать тщательно отобранные породы местных широколистных деревьев. Она поняла, что его дело было для него не просто средством к существованию, а чем-то большим, захватившим и его душу.

Сару озадачило и удивило то, что ей хочется снова увидеть Стюарта Делани. С ним было так легко и время бежало так быстро! Подъехать к нему или позвонить? Они ведь не оговорили время встречи. Она решила просто подъехать, так как не знала номера его телефона. Сара подняла телефонную трубку и набрала номер сестры, волнуясь, как она там и ее новорожденный, если он уже появился на свет. В трубке сразу прозвучал мамин голос:

– Сара, это ты? А я уже начала беспокоиться, так как раз десять звонила тебе домой, а потом в контору Иэна. И ни один номер не отвечал. Где ты? Что-то случилось?..

– Мама, я здесь, дома. Я приехала вчера вечером. Мне следовало бы сразу позвонить, но... В общем, к счастью, ваш новый сосед случайно проезжал мимо и объяснил, что позвонил Дэвид и вы уехали туда, к Джекки. Как она? И как малыш?

– Джекки чувствует себя хорошо. Немного потрясена, конечно. Ведь ей еще оставался месяц. И малыш тоже в порядке. Это девочка, так что представляешь, в каком она восторге и Дэвид тоже, после двух-то парней. Решили назвать малышку Джессикой. Они обе пробудут в больнице еще несколько дней из предосторожности, поэтому мы с отцом останемся здесь по крайней мере еще на неделю.

На неделю. Сара покусала губы и сморщилась от боли: последнее время она слишком часто их кусала и они распухли.

– Не возражаешь, если я останусь до вашего возвращения?

– Конечно, нет, – обрадовалась мама. – Это твой дом, дорогая, и ты это знаешь. У тебя выходные? – Она помолчала, а потом спросила с материнским беспокойством: – Сара, ты не заболела?

– Да нет, все хорошо, – твердым голосом соврала Сара. Еще будет время сообщить родителям о

своим решением оставить работу у Иэна, когда они вернутся домой.

Хотя эта тема никогда не обсуждалась, Сара подозревала, что мама догадывается о ее чувствах к Иэну и будет рада, что Сара приняла решение уйти от него, особенно после того, как узнает, что он женится.

Обсуждать со своими родными Анну с ее жестокими откровениями Сара не могла и не хотела. В конце концов, одной из причин ее приезда домой было желание уйти от любопытных расспросов друзей, их добрых, но от этого не менее для нее болезненных попыток узнать, что случилось и почему она уволилась.

Сара поговорила также с возбужденными от рождения сестрички племянниками и не менее потрясенным и от этого растерянным и запинаящимся зятем.

Только она положила трубку, как раздался звонок. Она автоматически ответила, полагая, что это кто-то спрашивает родителей, но, к своему удивлению, услышала на другом конце провода голос Стюарта Делани:

- Я сейчас вспомнил, что вчера вечером мы не условились, когда встретимся. Мне надо поехать в деревню, и я хотел предложить захватить вас с собой на обратном пути, если это вам удобно.

Сара хотела было возразить, мол, не стоит этого делать, она сама доедет до замка, но потом поняла, что глупо использовать две машины, когда он все равно поедет мимо ее дома. Поэтому она подавила желание подчеркнуть свою независимость и способность самой позаботиться о себе и сказала:

- Хорошо, если это вас не обременит...

- Я бы не предлагал, если бы это меня обременило.

Его ответ несколько удивил ее, так как она не привыкла к подобной прямоте. Иэн никогда не был так прямолинеен. Иэн... Иэн... У нее перехватило горло, она с трудом проглотила слюну, вслушиваясь в глубокий, резковатый голос Стюарта Делани, пока он говорил, в какое время заедет за ней.

- Я буду ждать, - вежливо ответила она.

- И я тоже.

Непонятно почему, но это его замечание породило у нее необычную реакцию: трепетное, безрассудное чувство ожидания и волнения тут же сменилось острым чувством страха, предупреждающим об опасности. Господи, ну чего она испугалась? Не Стюарта же Делани? Она и забыла, с кем еще чувствовала себя так легко, как с ним. Положив трубку и поразмыслив, она решила, что, вероятно, именно тот факт, что ей было так легко с ним, и насторожил ее. В ее теперешнем состоянии не хватало еще увлечься другим мужчиной. Увлечься? Стюартом Делани? Человеком, которого до вчерашнего вечера она не знала? Это нелепо и невозможно. А потом, как она может опасаться увлечься кем-либо, когда все еще любит Иэна? Она просто глупо себя ведет, слишком осторожна и ищет проблемы там, где их нет.

Нет, Стюарта Делани не надо бояться. Он так же, как и она, пережил агонию отвергнутой любви и так же, как она, всячески постарается избежать увлечения кем-либо. Интересно, давно

ли закончился его роман. Стюарт очень привлекательный мужчина. Конечно, он не так красив, как Иэн, но тем не менее весьма привлекателен для тех женщин, которым нравятся крепкие, сильные мужчины. Остался ли он с тех пор один? Мужчины труднее переносят одиночество, чем женщины. Они с Иэном никогда не были любовниками, но ведь ни один мужчина не был ее любовником, со злостью подумала Сара. Ее это не волновало, пока она заставляла себя надеяться, что однажды Иэн бросит на нее взгляд, полный желаний и любви. Но теперь, когда она посмотрела правде в глаза...

Ей двадцать девять лет, и она... девственница. Сара криво усмехнулась. Что тут скажешь? Что она сожалеет, что не имела возможности познать мужчину? Если и так, то разве это настолько уж плохо? Она понимала, что в двадцать девять лет, будучи зрелым человеком, эмоционально труднее рассматривать связь только с чисто физической точки зрения. Она сознавала, что общественные взгляды изменились и на случайную связь стали смотреть более разборчиво и осторожно, но и ее собственная сдержанность и подавление природных инстинктов говорили ей, что она никогда не сможет с легкостью вступить в половую связь с мужчиной, если не будут вовлечены ее ум и чувства. Труднее вступить в связь? Сара мрачно улыбнулась. Если по правде, то для нее это невозможно. А это означает, что если она не готова последовать совету Маргарет и поискать приятного, схожих с ней взглядов человека, с которым она устроит жизнь, то маловероятно, что у нее появится возможность завести семью и столь желанных детей. Случайная связь не для нее. Это приведет к беременности и к появлению ребенка, который будет только ее. Что касается того, чтобы влюбиться... Разве такое возможно? Она влюбилась в Иэна, и вот к чему это привело. Даже если ей когда-нибудь и удастся разлюбить его...

Сара вздохнула. Надо отвлечься от мрачных мыслей и подумать о менее волнующих вещах. Интересно, а какой выход нашел Стюарт Делани, чтобы облегчить душевную боль? Возможно, он даже даст ей совет. С удивлением Сара отметила, что она, всегда оберегающая свою личную жизнь и испытывающая трудности в общении с представителями противоположного пола, с легкостью собирается обсуждать свое положение со Стюартом Делани. Наверное, это происходит оттого, что столько барьеров уже преодолено с момента их первой встречи и ей кажется, что она знает его дольше и ближе, чем на самом деле. Глядя на часы, Сара отметила про себя, что ждет встречи с ним и волнуется, прислушиваясь, не подъезжает ли его машина.

Когда Стюарт приехал на несколько минут раньше, чем обещал, Сара слегка удивилась. Иэн никогда никуда не приходил заранее – наоборот, постоянно опаздывал, сглаживая обиду очаровывающей, извиняющейся улыбкой, и все же почему-то человек, ожидавший Иэна, чувствовал, что ему дают понять, что он не представляет собой ничего особенного и недостойн того, чтобы к нему приходили вовремя. Сара взяла жакет и сумку и с горечью подумала: а заставлял ли он Анну когда-нибудь ждать? Это казалось сомнительным – Анна не была тем типом женщин, которые станут ждать любого мужчину.

Запирая за собой дверь, Сара вдруг подумала о том, как хорошо эта пара подходила друг другу в своем эгоизме. Эта мысль шокировала ее, так как она и представить себе не могла, что ей в голову придет подобная ересь. Ни разу за те годы, что она работала у Иэна и любила его, она не позволила себе покритиковать свое божество даже в самых сокровенных тайниках изболевшегося сердца. А вот сейчас она это делает, и находит, что это совсем не трудно. Сара с неохотой, но признала, что если бы она не любила Иэна так сильно, то могла бы испытывать к нему почти... неприязнь и презрение. Если убрать обманчивое впечатление от его ослепительной красоты и шарма – а это, как она начинала понимать, было всего лишь внешним лоском, – что же оставалось? Очень эгоистичный, занятый сам собой человек, характер и индивидуальность которого скорее отталкивали, чем привлекали. Это открытие было неприятным. Она никогда не считала себя настолько глупой, чтобы придавать чрезмерную

важность внешности. Личность, ее теплота, умение отвечать на чувства другого человека – вот что имело значение. А теперь она допускала, что если бы Иэн не был так красив... И нечего постоянно напоминать себе, что она была девятнадцатилетней впечатлительной девчонкой, когда встретила его. Ей уже давно не девятнадцать.

– Что-нибудь случилось? – в голосе Стюарта звучала тревога. Он открыл ворота и шел по дорожке. Сара отрицательно покачала головой. – Слава Богу. Я вдруг подумал, что у вас плохие новости. – Она недоумевающе посмотрела, и он пояснил: – От вашей мамы... или сестры.

Сара покраснела.

– Нет, нет. Сестра с малышкой – родилась девочка – чувствуют себя отлично, хотя мама с папой побудут там еще немного. Я должна завтра поехать в Ладлоу купить поздравительную открытку и подарок для малышки. Они хотят назвать ее Джессикой.

– Красивое имя, – одобрил Стюарт. – А Дэвид доволен?

– Вне себя от радости. Он очень хотел дочку.

– Мудрый человек. Должен признать, что всегда жаждал иметь парочку дочек с волосами, завязанными в хвостик, и серьезными глазами. Я не против и сыновей. – Он искоса посмотрел на нее. – Не только женщины страдают от желания произвести на свет себе подобных, когда им к тридцати. Мужчины также мучаются.

Сара с удивлением посмотрела на него.

– Вы хотите иметь детей?

Иэн в свои тридцать с небольшим любил рассуждать о том, что дети – досадная помеха для его образа жизни. И Сара поэтому решила, что большинство неженатых тридцатилетних мужчин должны думать именно так.

– Очень, а вы?

Прямота его ответа и последовавшего вопроса несколько ошеломила ее. Хоть она и чувствовала себя абсолютно спокойно со Стюартом, его откровенность все еще удивляла ее.

– Да, конечно, – немного смущаясь, ответила Сара. Она замолчала, но потом напомнила себе, что нет нужды скрывать свои самые сокровенные мысли от Стюарта, как от Иэна, и продолжила: – Когда я уезжала из Лондона, моя соседка, близкая подруга, посоветовала мне подумать о том, чтобы выйти замуж за человека, который разделял бы мою любовь к детям. Она утверждала, что сама поступила именно так. Она страстно жаждала ребенка и, когда встретила Бена и поняла, что у них много общего, вышла за него замуж, скорее зная, что он станет хорошим отцом их детям, а не потому, что была безумно влюблена в него. У них в итоге все закончилось очень хорошо, и теперь моя подруга нежно любит своего мужа и отца своих детей.

– Ммм. На первый взгляд и исходя из современных представлений, это выглядит хладнокровной сделкой, и тем не менее не так давно браки устраивались родителями или родственниками по причинам, далеким от чувств, которые питали друг к другу заинтересованные стороны. И среди них случались удачные.

– Вероятно, это происходило из-за ограниченности выбора. Разводы не разрешались, и

нелюбящие супруги вынуждены были жить вместе. Конечно, тогда в любом слое общества муж и жена проводили друг с другом гораздо больше времени, чем сейчас. Семьи играли в жизни людей намного более значительную роль. Только что поженившиеся пары были окружены заботой и советом не только родителей, братьев и сестер, но и обширным кланом тетей и дядей, кузенов и кузин.

- Да, это так. А вы не решили последовать совету вашей подруги?

Сара остановилась у «лендровера».

- С одной стороны, да. Но с другой... - она слегка пожала плечами. - Я очень хочу иметь детей... очень, и всегда хотела. Но выйти замуж за человека, которого не любишь...

- У любви много различных степеней. - (Она удивленно уставилась на Стюарта.) - Возможно, это звучит цинично, но мне кажется, что самая надежная и прочная основа для стабильных отношений между мужчиной и женщиной не обязательно зиждется на эйфорическом и зачастую нереальном состоянии, которое мы называем «быть влюбленным».

Взаимопонимание, общие цели, уважение, разделяемое друг другом чувство юмора, по-моему, могут способствовать удачному союзу. Саре этот пассаж не совсем понравился, она запротестовала:

- А как же желание, страсть? Ведь...

Он стоял так близко, что она увидела, как потемнели и заблестели его золотисто-карие глаза. От этого у нее по телу вдруг пробежала непонятная дрожь, ее бросило в жар, она покраснела, испытывая неловкость и ужас от такой реакции на его взгляд.

С какой стати она затрагивает подобные темы с едва знакомым человеком? С Иэном она и не помышляла говорить о таких вещах. Да с ним и немислимо было об этом упомянуть.

- Возможно испытать страсть и без любви, но строить постоянные отношения только на физических потребностях... Лично для себя я этого не приемлю. Тем не менее я согласен, что существует страсть, но, как и любовь, она имеет много различных форм и оттенков. Что такое страсть? Пары, для которых секс - важная часть их связи, скажут, что секс - это и есть страсть, но у других пар, хотя они этого могут и не признавать, страсть определяется деньгами, положением в обществе, даже желанием иметь детей, и на этих страстных желаниях фокусируются их отношения. Для меня брак, основанный на общих целях, взаимном доверии и уважении, обоюдном желании сделать все, чтобы такие отношения развивались, плюс общее желание иметь детей, более важен, чем страстный и захватывающий секс. И не имеет значения, какой соблазнительной может иногда казаться страсть.

- Но если вы так хотите иметь детей, то почему...

Сара не закончила. Как она могла так быстро забыть, что Стюарт тоже потерял любимого человека?!

- Почему я не женился? - закончил он за нее, тактично облегчив ее смущение. - Вероятно, потому, что не встретил подходящую женщину. Не легко выйти замуж за человека с такой работой, как у меня. Она отнимает много времени, поглощает целиком, а оплачивается весьма скудно. Деревья требуют постоянного внимания даже при наличии опытного и хорошо обученного персонала. Выходные - это роскошь, которую я просто не могу себе позволить. Должна быть женщина особого склада, чтобы принять те ограничения личной свободы,

которые накладывает моя работа. Одной из причин, почему я переехал сюда, было, помимо всего прочего, то обстоятельство, что прежнее место постепенно урбанизировалось и найти рабочих становилось все труднее. Ребята, с желанием работавшие на воздухе летом при хорошей погоде, не очень-то хотели работать вне помещения зимой. Мне показалось разумным перебраться в провинцию, где легче найти людей для такой работы.

Стюарт улыбнулся Саре, посадил ее в «лендровер» и захлопнул дверцу. Обойдя кругом, он взобрался на водительское место, завел мотор и продолжил:

- Трудность представляет не только уход и содержание деревьев, пока они растут. Их надо выращивать таким образом, чтобы, когда необходимо, можно было их выкопать с основательным комом земли, окружающим корни. Это не просто, когда речь идет о почти взрослом дереве, достигшем восьмидесяти футов в высоту и веса в пару тонн. Существует еще проблема соответствующего ухода после продажи, чтобы заново пересаженное дерево не погибло. Из-за нерадивости новых владельцев я потерял несколько деревьев. Не могу передать, как это ранит душу. Я не выношу, когда здоровое дерево погибает от полнейшего невежества и небрежности, особенно когда знаю, что оно могло бы выжить и вырасти.

От переполнявших его чувств Стюарт говорил глухим хриплым голосом.

Он действительно любит все живое, подумала Сара, и если он так относится к каким-то деревьям, то каким же заботливым отцом он может быть! Удивительно легко было мысленно представить себе следующую картину: Стюарт с двумя маленькими девочками и двумя мальчиками, рядом с ними улыбающаяся счастливая мать. Отчего женщина, которую он любил, отвергла его? Если бы она, Сара, была любима человеком, похожим на Стюарта... На Стюарта? Но она любит Иэна, а он разительно отличается от Стюарта. Это просто нелепо, упрекнула себя Сара. Стюарт переключил скорость и повернул на дорожку к замку. Сара решила, что от душевных травм последних дней она приписывает Стюарту все добродетели, которыми не обладал Иэн. Одно дело – видеть его достоинства, посмеялась над собой Сара, но представить его отцом четверых детей – совсем другое.

- Я еще не пользуюсь главным входом, – извинился Стюарт, остановив «лендровер» на вымощенном булыжником дворе. – Вообще, что касается дома, то боюсь, у меня просто не было времени заняться им как следует. Я купил его из-за земли – дом имел второстепенное значение, и я даже хорошенько его не осмотрел. Я и не представлял, какой он огромный, пока не переехал.

- Что же, он может вместить большую семью, – пробормотала Сара и добавила шутливо: – Очень большую.

Стюарт, повернувшись, взглянул на нее.

- Конечно, – согласился он, – дом достаточно вместителен для настоящего семейного клана.

Они оба рассмеялись, а Сара подумала, что с Иэном так разговаривать было бы невозможно. Юмор Иэна был порой язвительным, иногда злым, беспощадным к слабостям друзей и знакомых. Он оценивал людей по собственной шкале ценностей, а она большей частью состояла из популярных газетных и публичных шуток, понятных только посвященным в «свой» круг.

- Между прочим, я хотел спросить, вы еще не передумали бросить взгляд на хаос из моих документов? Вы вчера говорили...

- Обязательно. Буду только рада, - подхватила Сара. - Вот мне и есть чем заняться до приезда мамы с папой.

- Потребуется немало времени, чтобы показать вам, чем же я занимаюсь. Надеюсь, мне удастся убедить вас остаться на ленч. На этот раз без даров миссис Гиббонс. Я купил кое-что сегодня утром. Только не знаю, любите ли вы свежего лосося.

- Обожаю, - заверила его Сара. - А еще я бы очень хотела посмотреть дом, если это не слишком назойливо с моей стороны.

- Вовсе нет, - в свою очередь любезно заверил ее Стюарт. - Хотя предупреждаю: это не картинки из журнала «Дом и сад».

Сара рассмеялась.

- Вот и хорошо, а то из-за совершенства других я постоянно чувствую себя ужасно незначительной.

- Как я вас понимаю! - Стюарт открыл дверцу машины со своей стороны. Сара хотела сделать то же самое, но он остановил ее: - Подождите. Тут слишком высоко прыгивать. Я обойду вокруг и помогу вам.

Сара могла бы возразить, что она привыкла вылезать из «лендровера» с тех пор, как доросла до отцовского колена, но почему-то удержалась и промолчала.

Было что-то несомненно приятное, особенно после едких и жестоких замечаний Анны относительно отсутствия у нее сексуальной привлекательности и женственности, иметь рядом мужчину, который любезно помогает ей выйти из машины, даже если в этом нет необходимости. Она почувствовала себя хрупкой и нежной, хотя и хорошо знала, что таковой не была. Сара ощутила себя женщиной, и это поразило ее. Иэн никогда не давал ей этого понять, а других мужчин у нее из-за него и не могло быть.

Она улыбнулась Стюарту, пока он открывал для нее дверцу и отстегивал ремень, чтобы она могла выбраться из «лендровера». Сара полагала, что он просто подаст руку, о которую она сможет опереться, ступая на землю, и вздрогнула от неожиданности, когда он протянул обе руки и крепко обхватил ее за талию.

Когда он нагнулся к ней, то их глаза оказались на одном уровне. У него они были теплого темно-золотистого цвета с рыжевато-коричневым оттенком. Это были глаза настоящего мужчины, несмотря на густо обрамлявшие их длинные темные ресницы, и они были очень пронзительные. Эти глаза, казалось, отметили ее мгновенное потрясение от ощущения его рук на ее теле, их тепла даже сквозь джинсы и рубашку. С болью в сердце она подумала, что ни разу в жизни мужчина не держал ее так, чтобы это послужило началом более интимного объятия, и ни разу она не испытала чувственного напряжения от сознания того, что мужские руки, обхватывающие ее талию, вскоре скользнут вверх, коснутся груди, и что голова мужчины склонится к ней так близко, и они сомкнут губы в любовном поцелуе.

Любовный поцелуй? Не в состоянии отвести глаза, она посмотрела на его рот. Сердце отчаянно колотилось, дыхание стало порывистым. Ошеломившая ее чувственность и ощущение его как мужчины пронзили Сару насквозь и застали врасплох. Она начала дрожать от незнакомого напряжения во всем теле, от острого, болезненного желания, которое родилось внутри и так стремительно подчинило себе все нервы, что она не успела овладеть собой. Сара закрыла глаза, чувствуя тошноту от внезапности происходящего и от отвращения к самой себе.

- Сара... Вам плохо?

Она открыла глаза.

- Я... я...

- Вы дрожите, - он произнес это почти как обвинение, а руки крепче сжали ее талию.

Что она могла сказать и что объяснить? Невозможно рассказать мужчине, каким бы приятным он ни был, что ты дрожишь оттого, что твое тело постыдно потянулось к нему в приступе желания, а твой мозг не в состоянии контролировать чувства. Ее тело тянулось к нему, соски напряглись и сделались тугими, живот сжался от ощущения, которое она едва ли когда испытывала. Как сказать ему об этом? Как сказать, что когда она смотрела на его рот, то в своем ужасном безумстве не только представила, что она ощущает его губы на своих губах, но почти наклонилась к нему, выдавая свое физическое желание, болезненную необходимость поцеловать его?

На самом деле он ей не нужен, уверяла себя Сара. Это все происходит из-за Анны и Иэна. Жестокие насмешки Анны об отсутствии у нее сексуальности ранили ее так глубоко и оставили такое нагноение, что оно каким-то образом прорвалось в накрывшей ее страшной и позорной волне желания и ей вдруг захотелось доказать, что Анна была не права. Но как? Чтобы Стюарт занялся с ней любовью? Сара продолжала дрожать от того, что испытала, и от понимания того, что может произойти.

- Сара... - в голосе Стюарта звучало беспокойство.

- Мне... хорошо, - слабым голосом соврала она.

По его взгляду было видно, что он не поверил ей, но она была рада, что Стюарт не стал больше расспрашивать, а просто опустил ее вниз. Она поняла, что нуждается в его помощи, так как почувствовала себя потерянной, слабой и потрясенной от того, что только что пережила.

Когда он опускал ее на землю, то ее волосы скользнули по его лицу. Сара почувствовала, как мгновенно напряглись его руки.

- Приятные духи, - заметил Стюарт хриплым голосом, отвернувшись от нее.

Сара удивилась замечанию, так как не душилась, но утром она вымыла голову и могла лишь предположить, что ему понравился запах шампуня. У нее засосало под ложечкой - он был так близко... вдыхал запах ее волос. А если бы она случайно придвинулась к нему поближе, то почувствовала бы теплоту его дыхания у себя на шее?

- Послушайте, если вы передумали и вам не хочется...

Сара постаралась вникнуть в смысл сказанного. Когда до нее наконец дошло, о чем идет речь, она отрицательно покачала головой и быстро проговорила:

- Нет, нет. Все в порядке.

Он закрывал дверцу «лендровера», а она следила за его движениями. Его рот просто притягивал взгляд. Что, если бы он поцеловал ее, когда опускал вниз? А если он действительно прочел ее мысли? Она с трудом проглотила слюну. Ей следовало радоваться от души, что он ничего такого не сделал. И так было достаточно неловко от подобных чувств. Не хватало еще,

чтобы он распознал ее уязвимость.

Что с ней такое происходит, недоумевала Сара, испытывая отвращение к самой себе. Все те годы, что она любила Иэна и хотела его, она ни разу не заинтересовалась ни одним мужчиной, ни разу не почувствовала ни малейшего влечения к кому-либо. А теперь...

Это все реакция на жестокость Анны, реакция на действительность, на открытие для себя того факта, что она потратила столько лет на глупые мечты и фантазии. Ее реакция на Стюарта, несомненно, всего лишь способ, каким ее плоть отчаянно пытается доказать, что Анна ошибалась, называя ее бесполой и нежеланной. Теперь, когда Сара знает о своей ранимости, она сможет следить и управлять собою. Нет никаких причин для беспокойства и страха. Она основательно проанализировала и поняла свое поведение, и вновь подобного не случится. Объяснив себе этот неожиданный прилив эмоций, Сара почувствовала себя намного лучше и вместе со Стюартом смело направилась к замку.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

- Как насчет небольшой экскурсии по дому перед ленчем? - предложил Стюарт, когда они вошли внутрь.

- Может, я лучше сначала просмотрю ваши бумаги? - робко спросила Сара.

Стюарт удрученно развел руками.

- Боюсь, что на голодный желудок не стоит и рисковать смотреть на этот беспорядок.

- Это так плохо?

- Хуже не бывает.

Сара засмеялась - он все больше ей нравился. Она не могла припомнить, с кем ей было сразу так легко. Если бы только не эта идиотская реакция на него, когда он помог ей выйти из «лендровера»... Слава Богу, что Стюарт, кажется, этого не заметил.

- Если вы секунду подождете, я приготовлю ленч, а потом постараюсь справиться с обязанностями экскурсовода. Я думаю, вы лучше меня знаете историю замка. Как-нибудь в свободное время, если оно появится, я бы хотел изучить его прошлое более основательно, отделить реальность от легенд. Ведь он часто менял владельцев.

- Да, я знаю, - сказала Сара.

Странно, но она почувствовала досадный укор своей женской гордыне, наблюдая, как он умело и ловко орудует на кухне, готовя лосось. Теоретически она была за то, чтобы мужчина и женщина на равных занимались хозяйством, но теперь ее несколько покорило, что Стюарт так независим и в том, что казалось сугубо женской привилегией.

Мысленно строго укорив себя, Сара подумала: а что, предпочтительнее было бы, чтобы он сидел и смотрел, как готовит ленч она? Ей этого хотелось, чтобы поразить его своей домовитостью? Как нелепо.

- Боюсь, что моястряпня очень примитивна, - прервал ее размышления Стюарт. - Лосось, молодая картошка и зеленая фасоль. К сожалению, мои таланты не простираются настолько, чтобы приготовить голландский соус.

С ним бы Сара справилась – мама первоклассно и с душой готовила и передала свое умение обеим дочерям. Правда, живя одна в Лондоне, Сара заметила, что ей больше нравится смотреть, как другие едят приготовленное ею.

Когда они с Иэном познакомились достаточно близко и она стала приглашать его пообедать, он предпочитал дорогие и модные рестораны, а вкусно там кормили или нет, его не волновало.

– Вы готовы совершить большое турне? – спросил Стюарт, ловко поместив лосося в духовку и прикрыв дверцу.

Сара кивнула в знак согласия и встала.

– Я думаю, мы начнем сверху и будем спускаться постепенно вниз, – предложил Стюарт. – На чердак не полезем – там жуткая грязь.

Стюарт пропустил ее вперед, и она подошла к лестнице.

– Сколько спален в доме? – спросила Сара.

– Двенадцать, но я хочу оставить восемь, а меньшие переоборудовать в ванны. Я не пользуюсь сейчас ванной – там неполадки с окном и за эти годы все отсырело и отвалилась штукатурка. Но есть примыкающая к моей спальне гостиная, которую я хотел бы сохранить, чтобы было где с удобством и в тишине отдохнуть.

– Можно превратить эту комнату в гостиную-кабинет, – предложила Сара, когда они поднялись на лестничную площадку, – установить там компьютер и...

– Компьютер? Нет, благодарю, – твердо прервал ее Стюарт. – Мы с компьютером не сходимся во взглядах.

Сара рассмеялась.

– Вероятно, вы пользуетесь не тем программным обеспечением. Сейчас существует много удобных для пользователя приспособлений, вполне дружелюбных...

– Может, они и дружелюбные, но я совершенно точно не дружу с компьютером, скривился Стюарт. – Я знаю, что нынче подобные заявления не модны, так же как прошлом ни один уважающий себя мужчина не мог признать, что он не водит машину. Мое чудовище фактически делает все, исключая приклеивание марок на конверты, но каждый раз, когда я пытаюсь воспользоваться им... – он пожал плечами и отворил первую из дверей в коридоре.

Это оказалась просторная комната с тремя маленькими окнами, огражденными решетками.

– Здесь, очевидно, была классная или детская, – сказал Стюарт, а Сара подошла к окнам, выходящим на задний двор. За забором, окружавшим конюшни и двор, она разглядела прежний огород. Обнесенный высокой каменной стеной с калиткой, он представлял собой заросли сорняков, крапивы и разросшегося шиповника. – Это еще одна задача на будущее. – Стюарт подошел и встал рядом с ней. – Восстановить огород. Если он и не будет таким, как раньше, то по крайней мере в нем хоть что-нибудь вырастет. Вдоль вон той стены когда-то был парник, а вдоль другой – шпалеры фруктовых деревьев.

– Это потребует много рабочих рук? – спросила Сара.

- М-да. Но я собираюсь расширяться и надеюсь, что будут спокойные периоды, когда людей можно перебросить от работы с деревьями на другие дела. Если это не получится и если я женюсь, то моей жене придется стать заядлой огородницей. А вы любите этим заниматься?

Вопрос был совершенно естествен и, конечно, не имел отношения к его предыдущим словам, учитывая, что он все еще переживал свою неудачную любовь и знал о теперешнем состоянии Сары. С ее стороны было глупо отнести его рассуждения об огороде к себе. Но Сара ярко представила, как она с наслаждением проводит длинные весенние дни, работая под укрытием старинных стен, копая, сажая, следя за ростом растений, подкармливая их и ухаживая за ними, а позже, наслаждаясь результатами своего упорного труда, собирает урожай.

- Да, конечно, люблю, - ответила Сара, чувствуя, как в ее голосе звучит внутреннее напряжение. Отвернувшись от окна, она направилась к двери.

Остальная часть дома полностью соответствовала описаниям Стюарта. Он показал, где починил внешнюю кладку здания, чтобы предотвратить протечки от дождя. Но, как Стюарт и говорил, замок потребует огромной работы, прежде чем превратится в жилище.

- По крайней мере вы знаете, что надо сделать, - заключила Сара после того, как Стюарт показал ей маленький кабинет, где сырость повредила деревянную обшивку стен. - То, во что вы превратили кухню, - просто замечательно.

- Спасибо. Я не уверен, что смогу так же удачно восстановить первоначальную обшивку и лестницы. Придется хорошенько поискать на складах редкие, именно сюда подходящие образцы пород деревьев.

- Трудное дело, - согласилась Сара, - однако, безусловно, стоящее. Странно, но я почти завидую вам. - (Он скорчил кислую мину.) - Это сложная, хотя и замечательная работа, - продолжила Сара. - А когда вы сделаете дом таким, как задумали, вам предстоит удовольствие жить в нем, сознавая, сколько усилий вы вложили и в итоге получили желаемый результат.

- Не многие женщины так считают, - сухо заметил Стюарт, а Сара подумала, что, наверное, решение перебраться сюда, к границам с Уэльсом, явилось результатом конца его любовного романа.

Возможно, его канадской возлюбленной - а Сара могла только предположить, что она из Канады, поскольку он говорил, что работал там, - не по душе пришлась идея переехать в Англию и жить в таком старом, полуразвалившемся доме. Лично она, Сара, приняла бы подобный вызов судьбы и согласилась. Ей не надо было закрывать глаза, чтобы представить, каким станет замок однажды: богатая парча на темных отреставрированных деревянных панелях стен, натертые до блеска полы и персидские ковры, солидная дубовая мебель, старинная и современная, поскольку в одних комнатах будет собран антиквариат, а другие будут обставлены более практичной мебелью, предназначенной для детей. Рядом с кухней - уютная, залитая солнцем гостиная, где дети смогут играть, находясь неподалеку от матери. Наверху - хозяйские апартаменты, которые описал Стюарт. Там будет стоять кровать с пологом, укрепленным на четырех столбиках, создавая атмосферу покоя. Рядом - уютная гостиная, где муж и жена могут провести несколько часов, уединившись от других членов семьи, включая детей.

За ленчем Стюарт рассказал ей более подробно о своей работе. Сара открыто восторгалась тем, что для нее было почти волшебством - пересадка деревьев, выкопанных с корнями.

Она засмеялась, когда он сказал, что поражен ее уверенностью в своих силах относительно

приведения в порядок его бумаг.

После того как они поели, Стюарт неохотно ввел Сару в кабинет, предупредив, что, если, увидев хаос, она передумает и не захочет ему помогать, он не обидится. В кабинете было действительно не убрано, но все же он попытался хоть как-то разложить бумаги. Указав на них, Стюарт объяснил, что бессистемно разбросанные на первый взгляд кипы документов на письменном столе – это либо поступившая корреспонденция, имеющая отношение к заказам, либо выполненные и ожидающие отправки заказы, а также стопки входящих и исходящих счетов.

Когда Сара сказала ему, что все эти проблемы можно свести к минимуму, если полностью использовать компьютер и каждый день выделять немного времени для неотложной работы с документами, Стюарт, криво усмехнувшись, спросил:

- А как много это «немного времени»? В настоящий момент я полностью занят работой вне дома.

Сара задумчиво оглядела стол и произнесла:

- По первому впечатлению могу сказать, что понадобится два или даже три полных дня, чтобы заложить в компьютер весь этот материал, а затем...

- Не продолжайте, - предупредил Стюарт. - Вы говорите, два или три дня... Это у вас займет два или три дня. У меня на это уйдет, скорее всего, два или три месяца.

Сара рассмеялась и спросила:

- А вы не думали нанять кого-нибудь на неполный день, чтобы разобраться с документами?

- Не думал? Да я думаю об этом каждый раз, когда захожу сюда. Но попробуйте найти квалифицированного человека с необходимыми навыками для такой работы за ту очень небольшую плату, которую я могу предложить. Послушайте, - неожиданно добавил он, - я не могу просить вас тратить столько вашего времени. Вы ведь приехали, чтобы...

- Примириться с тем, что Иэну я никогда не буду нужна, - горько закончила фразу Сара. - Поверьте, занять чем-нибудь мысли – это то, что мне сейчас совершенно необходимо.

Она замолчала, обдумывая, не позволила ли себе лишнее в высказываниях и не было ли его замечание тактичной уловкой, чтобы сказать, что он передумал, поняв, как много времени займет приведение в порядок его дел, и таким образом отказаться от ее помощи, поскольку он не хочет, чтобы она проводила столько часов в его доме.

Но, ей на удивление, он вежливо произнес:

- Если это на самом деле так, то не согласитесь ли вы поработать у меня неполный день, пока вы здесь? Вы ведь говорили, что собираетесь пробыть тут несколько месяцев. Я не смогу платить ту сумму, которая вам причитается за такую работу, но если вы действительно хотите чем-то занять время...

Работать для Стюарта?.. Сара задумалась и снова начала кусать нижнюю губу, причиняя сама себе боль. С этой привычкой надо кончать, решила она, - нельзя без конца кусать губы, когда волнуешься.

- Простите, - извинился Стюарт, - мне не надо было предлагать. Конечно же, вы не...

- Нет, нет, я согласна, - быстро прервала его Сара. - Я просто чувствовала себя неловко оттого, что вы, возможно, предлагаете мне работу из... жалости.

Она покраснела от такого заявления. Неважно, что ей хорошо в его обществе. От него, как любого мужчины, нельзя ожидать понимания того, что она сомневается в своей женственности и сексуальности. Он не может знать, как сильно ранили ее насмешки Анны, дали почувствовать, что ей не хватает чего-то очень важного. Была разрушена вера в себя как в женщину, в свою чувственность.

- Вы думаете, я предлагаю вам работу из жалости? - Стюарт покачал головой, а голос его прозвучал почти резко. - Может, и из жалости, но не к вам. Вас я не жалею. Наоборот, я до сих пор считаю, что вы легко отделались. Этот человек просто болван, упустить такую женщину... - Он замолк, а затем небрежно продолжил: - Я говорю как есть. Если вы решите работать у меня, то это вы окажете мне услугу, а не я вам.

Осторожность побуждала ее сказать, что ей нужно время подумать, но внутренний голос требовал не тянуть и принять предложение. Ей сейчас просто необходимо чем-то занять голову, а если она начнет колебаться да сомневаться...

- Я с удовольствием поработаю у вас, - твердо сказала Сара. - Если вы действительно хотите этого.

- Хочу ли я?! - Он задумчиво посмотрел на нее и невнятно произнес: - Что ж, это начало. Если вы готовы, то я покажу вам все кругом. Вы взяли сапоги? Сегодня, правда, хороший день, но все же...

- Не забывайте, что я выросла здесь. Они в вашем «лендровере».

- Хорошо, подождите, пока я их принесу. И тогда мы начнем.

Сара не успела возразить, что сама может их принести, а он уже открывал кухонную дверь. Глядя, как Стюарт широкими шагами направляется к «лендроверу», она спрашивала себя, правильно ли сделала, принимая его предложение о работе. Было поздно отказываться от своего решения, да и к тому же... Она вдруг осознала, и это ее потрясло, что ей уже хочется работать здесь. Она рассматривает эту работу как вызов. Но какой вызов? Сортировать его бумаги? Где-то под ложечкой неприятно заныло. Но ведь она не принадлежит к категории дурочек, которые постоянно запутываются в бесконечно повторяющемся разрушительном цикле? Она не станет зависеть в своих чувствах от Стюарта, как это произошло у нее с Иэном. Разумеется, нет. И мужчины, и ситуации абсолютно непохожи. Она влюбилась в Иэна еще до того, как стала работать с ним. Ей совершенно не грозит влюбиться в Стюарта. Да и как это возможно, если она до сих пор любит Иэна?

Иэн... Только надев сапоги и идя рядом со Стюартом к «лендроверу», она поняла, как мало о нем думала последние часы. Сара подавила невольную дрожь и сказала себе, что ведь это хорошо, для этого она и приехала домой - туда, где Иэн никогда не был и где никакие воспоминания о нем не могли мучить ее и отравлять ей жизнь.

Спустя час она с благоговением глядела на дюжину взрослых дубов, которые, как объяснил ей Стюарт, необходимо было вырыть и пересадить в поместье на юге Англии. Там в результате бурь, ставших последнее время привычным явлением, погибло много деревьев.

- В некоторых случаях, если мы действуем достаточно быстро, возможно спасти те деревья, которые буря вырвала с корнями. Наибольший риск представляют молодые деревца, так как они не имеют прочной корневой основы, но в то же время, будучи молодыми, они часто оказываются способными заново укорениться после пересадки. Но это – если мы поторопимся.

Чем больше он рассказывал, тем больше восхищалась Сара. Она и не представляла, что это так сложно. Ей казалось, что если дерево повалено и вырвано с корнями, то оно уже не выживет.

- Осторожно, – Стюарт взял ее за руку и отвел в сторону от мини-трактора с прицепом, которым управлял молодой человек. Она узнала сына местного фермера. Парень улыбнулся, и Сара ответила тоже улыбкой. Это заметил Стюарт. – Вы знаете юного Льюиса Ллуэллина?

- Да. – Сара наблюдала, как молодой человек умело развернул трактор на повороте, осторожно манипулируя прицепом с грузом молодых деревцев.

- Он работает у меня уже месяц и неплохо справляется. Сегодня нет времени показать вам питомник, где мы выращиваем саженцы, но когда вы начнете работать...

Говоря это, он повернулся, и Сара повернулась вслед за ним, не заметив низкую ветку, свисающую прямо перед ней. Она задыхнулась от боли и неожиданности – гибкая ветка хлестнула ее по лицу.

Стюарт услышал, как она вскрикнула, и встревожено спросил:

- Что такое? Что случилось?

У него потемнело в глазах, когда он увидел красную полосу у нее на коже, а по выражению ее лица понял, как ей больно.

- Черт, это я виноват. Надо было вас предупредить. Дайте взгляну.

Она не успела остановить его, как он взял обеими руками ее лицо и осторожно повернул к свету. Стюарт стоял так близко, что Сара почувствовала не только свежесть ветра и зелени, но и явный, теплый запах мужского тела.

Если бы раньше кто-нибудь предположил, что она найдет в этом что-то эротическое и что ее собственная плоть тут же отреагирует, она бы горячо это отрицала. Но сейчас, несмотря на жгучую боль в лице, она нагнулась поближе к Стюарту, нетерпеливо вдыхала его запах и спрашивала себя, что будет, если расстегнуть пуговицы его рубашки, коснуться руками его потного теплого тела, прижаться лицом к его коже...

Сара слегка застонала, не желая признаваться в своей чувственности, а Стюарт ничего не понял и, извиняясь, сказал:

- Простите. Я знаю, как это жжет, но, к счастью, пореза нет, только царапина. Все же лучше вернуться домой и смазать чем-нибудь антисептическим. Мне следовало предупредить вас об этих ветках.

Дрожащим голосом Сара сказала:

- Я сама виновата.

Он все еще стоял рядом, держа ее лицо в своих руках. Сара чувствовала себя слишком неловко

от ощущения его близости, и ей хотелось, чтобы он отпустил ее, – у нее не было ни права, ни причин так реагировать на него. Что с ней? Неужели из-за неприятия ее Иэном она настолько изменилась, что буквально за ночь из женщины, почти не интересующейся мужчинами, превратилась в иную – женщину, остро ощущающую мужскую сексуальность и так нескромно отвечающую на нее? И вместо того, чтобы отодвинуться от Стюарта, как надлежало сделать, она старалась подавить ошеломляющее желание придвинуться к нему еще ближе.

Он стянул с руки толстую рабочую рукавицу и осторожно провел пальцем по ссадине. Сара, вздрогнув, поморщилась.

- Простите, – снова извинился он, – я только хотел удостовериться, что это всего лишь царапина и что в ранке не осталось щепки.

Порыв ветра поднял ей волосы, и они задели Стюарта по лицу. Он пригладил их и откинул назад за уши. Сару бросило в дрожь, когда его рука дотронулась до ее кожи. Он замер, и она едва осмелилась посмотреть на Стюарта – его темно-золотистые глаза ярко блестели, а мышцы на лице напряглись. Он поспешно опустил веки, и только густые, темные ресницы выделялись на загорелой коже. У Сары все замерло внутри, когда она увидела, как жадно смотрит Стюарт на ее губы. Ей захотелось облизать их кончиком языка. Она вспомнила, что нижняя губа у нее от прикусов распухла.

- Вы прикусили губу.

Слова, произнесенные медленно и глухо, словно полные какого-то особого глубокого смысла, долетели до нее откуда-то издалека.

- Да. У меня вредная привычка. – Кончиком языка она нащупала маленькую ранку на нижней губе.

- Не трогайте.

Он сказал это резко, и она застыла, удивленно и смущенно вглядываясь в его лицо. Стюарт опустил голову и придвинулся к ней. Она могла отойти, чтобы избежать неминуемого поцелуя. Но, дрожа от волнения и страха, пьянивших ее, будто сильный наркотик, Сара не сделала ни малейшей попытки отстраниться.

Он поцеловал ее осторожно, почти нежно. Рот у него был теплый и требовательный. Кончиком языка он стал водить по трещинке на ее нижней губе, успокаивая боль. И Сара вдруг почувствовала такую непреодолимую, острую и пронизывающую потребность ответить на его поцелуй, что приоткрыла рот и потянулась к нему. Не успев подумать, что же она делает, Сара оказалась в кольце рук Стюарта. Она услышала сильные, неистовые удары его сердца, вдохнула теплый мужской запах, почувствовала упругость его тела и незнакомую ей доселе мужскую силу. Ее охватило страстное, болезненное желание. От сознания этого она пришла в ужас, издала слабый протестующий стон и оттолкнула его. Он тут же отпустил ее и сделал шаг назад.

- Простите меня.

Густая краска залила его лицо, и он выглядел почти сердитым, но, виновато признала Сара, не на нее, а на себя.

- Для меня нет ни извинения, ни оправдания, мне не следовало ни за что... – Стюарт скривился. – Я только надеюсь, что вы будете так великодушны, что отнесете это на счет того,

что вы – очаровательная женщина, а я – всего лишь мужчина, который к тому же слишком долго жил один.

Что она могла на это сказать? Он так же виноват, как и она. Она ведь чувствовала, что он собирается ее поцеловать, знала это и ничего не сделала, чтобы помешать. Нужно было всего лишь чуть-чуть отодвинуться и отвернуться, и этой ситуации не возникло бы. Но вместо этого... Сара глубоко вздохнула. В душе она признала, что не только хотела, чтобы Стюарт ее поцеловал, но почти спровоцировала и поощрила его. Даже если он и не распознал ее тяги к нему, а он вроде этого не почувствовал, то она эту тягу ощутила очень сильно.

Она отвернулась и услышала, как он тихо сказал:

- Я надеюсь, это не отразится на вашем решении поработать у меня? Обещаю, что подобного больше не случится. Теперь, когда я знаю...

У Сары застыла кровь в жилах. Она испугалась, что он понял, что ее тянет к нему и в этом причина всего происшедшего; возможно, он слишком хорошо воспитан, чтобы дать и ей понять это. Но, к ее облегчению, Стюарт замолчал и угрюмо уставился в пространство.

Ей ничего не оставалось, как сказать в гнетущей тишине:

- Пожалуйста, не извиняйтесь. В конце концов, мы оба взрослые люди. Я уверена, что вы, как и я, понимаете, что это... это... – она запуталась в словах, чувствуя, как сильно колотится сердце, на губах до сих пор ощущается тепло его губ и ей недостает его поцелуя, – это просто произвольная физическая реакция, – запинаясь, пробормотала Сара и покраснела от его острого и пронизательного взгляда, чувствуя неловкость и вину.

- Да, вы правы: естественный физический рефлекс.

Это замечание почему-то обидело ее. А что бы ты предпочла услышать, посмеялась над собой Сара, когда полчаса спустя они въехали на «лендровере» во двор замка. Что он вне себя от желания к ней или что он почувствовал мгновенное и неуправляемое физическое влечение мужчины к женщине? Конечно, нет. То, что Иэн отверг ее, привело к тому, что она упивается жалостью к себе, и ей захотелось, чтобы мужчина, причем любой, вспылал к ней страстью. Ей должно быть стыдно и отвратительно за свои мысли и поступки, а вместо этого...

Она снова сильно закусила губу и сморщилась от боли, так как попала зубами на трещинку.

Что же вместо этого? Сбитая с толку, растерянная, ощущая лишь острую боль внутри, Сара признавала, что если бы по глупости она не оттолкнула Стюарта, то, возможно... Возможно что? Он стал бы заниматься с ней любовью? Конечно же, ничего не произошло бы, да она и не хотела этого от него. Дело в том, что...

Сара с трудом продохнула, боясь и подумать, как повела бы себя, ощутив любовные устремления Стюарта.

- Я хочу получше рассмотреть эту ссадину, – сказал Стюарт, остановив «лендровер».

- Не нужно, – поспешила заверить его Сара, – уже все в порядке. Вы не возражаете, если я останусь на пару часов? Я бы хотела ознакомиться с вашим компьютером и просмотреть с вами документы, но если я помешаю, то могу пока и уйти...

- Вы не мешаете, – коротко ответил Стюарт, уже без прежней теплоты и дружелюбия в

голосе. Или она стала до нелепости чувствительной и ищет проблемы там, где их нет? Неужели в этом виноват Иэн? Ведь, в конце концов, Стюарт сам попросил ее помочь и предложил поработать у него.

А его поцелуй... Сара с грустью отметила, что на этот раз Стюарт хоть и обошел «лендровер» и открыл ей дверцу, но не сделал ни малейшей попытки помочь ей выйти, а просто вежливо ждал, когда она спустится вниз. Поцелуй хорошо бы выкинуть из головы – это была просто произвольная реакция мужчины на близость женщины, и больше ничего. Ясно, что Стюарт тут же пожалел о своей импульсивности. Другого объяснения быть не может. Она ведь знала, что он, как и она, страдал от неразделенной любви и, как нормальный мужчина, испытывал, очевидно, сексуальные желания. Также очевидно, что он не хотел быть неправильно понятым ею. После всего, что она рассказала ему об Иэне, он, вероятно, боялся, что она принадлежит к категории женщин, влюбляющихся в своих шефов. Если это так, то ее задача – переубедить его... или отказаться от работы. Но эта работа ей необходима, и она хочет ею заниматься... не из-за денег, а затем, чтобы окончательно не свихнуться и не думать постоянно об Иэне и о прошлом.

Самое разумное – это показать Стюарту, что случившееся сегодня днем для нее ничего не значит и что она считает это просто помрачением ума, о котором им обоим лучше забыть.

ГЛАВА ПЯТАЯ

- Пора сделать перерыв. Я приготовил кофе и тосты, все на кухне, если хотите.

Сара повернула голову от дисплея и сосредоточенно посмотрела на Стюарта – она так углубилась в свои занятия, что даже не услышала, как открылась дверь. При упоминании о кофе она поняла, как ей его недостает, а что касается тостов, то бурчание в желудке напомнило ей, что со времени ленча прошло уже несколько часов.

- Это здорово, – сказала Сара, отодвинулась от компьютера и потянулась, расслабляя застывшие мышцы.

Спустя пять минут, уже за кухонным столом, Стюарт, смущаясь, спросил, как идут дела.

- Программное обеспечение хорошее, программа достаточно многоцелевая, хотя, должна признать, она немного сложновата для начинающих.

- Вам нет нужды проявлять тактичность, – уныло сказал Стюарт. – Что касается деревьев, то тут я с гордостью осмеливаюсь утверждать, что знаю свое дело, и обижусь, если мне не поверят. Но управлять компьютером – здесь я совершенный профан.

За кофе с тостами Сара как можно проще объяснила Стюарту, что собирается делать. Он, слушая, удрученно смотрел на нее, а когда она закончила, заметил:

- Если бы я был вашим шефом, то примчался бы сюда и умолял бы вас вернуться... – Внезапно смолкнув, он покачал головой. – Простите, я сказал, не подумав...

- Ничего, все нормально, – нетвердым голосом ответила Сара. – Я уже смирилась с тем, что Иэн и связанные с ним надежды – в прошлом. В любом случае это оказалось лишь глупой мечтой. Я начинаю сознавать, что, если бы он и полюбил меня, все равно у нас ничего бы не вышло. – Стюарт нахмурил брови, и, видя это, Сара печально пояснила: – Мы слишком разные – наши взгляды, жизненные ценности. В душе я до сих пор сельская жительница. Мне бы хотелось растить детей где-нибудь здесь или в другом таком же месте, но не в городе, особенно

Лондоне. А Иэн, даже если бы он и согласился их завести, препоручил бы их заботам няни. Он любит городскую жизнь, любит быть в центре событий. Он не вынес бы здешней жизни, он такой человек...

Сара запнулась и закусила губу. Ей не хотелось признать то, что она уже поняла: Иэн был слишком мелочен и тщеславен и не представлял себя без постоянного женского внимания. Дети стали бы для него соперниками. Он хотел всегда быть на первом месте. Сара считала, что отношения женщины с мужем, отцом ее детей, должны быть особыми и ими надо дорожить, но обязательно придет время, особенно в молодой семье, когда взаимоотношения взрослых отходят на второй план.

- Вы так говорите, словно вам лучше без него, - жестко заметил Стюарт.

- Да, - согласилась Сара, - наверное, так оно и есть. Я ведь и не была с ним вместе настоящим.

Она замолчала и залилась краской, сообразив, какой сексуальный оттенок приняло ее замечание.

Но Стюарт как будто не обратил внимания ни на ее слова, ни на ее неловкость. Он лишь вежливо спросил:

- Еще чашечку кофе?

Сара кивнула, постепенно она успокоилась: кажется, он потерял интерес к Иэну и вернулся к проблеме овладения компьютером.

- Салли очень обрадовалась, когда я сказал, что покупаю компьютер, - доверительно сообщил он.

Салли? У Сары упало сердце. Кто такая Салли? Можно догадаться, что это та самая таинственная женщина, оставившая его, позволявшая ему любить себя и отвергнувшая его любовь. Сара уже невзлюбила ее. Наверное, и смех у нее такой же жесткий и ранящий, как у Анны.

- Да? Пожалуй, с ее стороны это было немного опрометчиво, - сказала Сара.

Антипатия к той женщине возросла из-за печали и теплоты, прозвучавших в голосе Стюарта, когда он упомянул Салли. Непонятно почему, но Саре захотелось защитить Стюарта. Вероятно, оттого, что он был товарищем по несчастью. Но сомнительно, что Стюарт повел себя так же глупо, как она. Несмотря на его доброту, тепло, чуткость, в нем чувствовалась явная прочность, мужественность. Если нужно, он мог бы стать грозным противником. Но ведь они с Салли, наверное, были не противниками, а любовниками.

Любовники... От этой мысли у Сары болезненно защипало в глазах. Дисплей виноват, сказала она себе, забыв, что при обычном рабочем дне проводила за светящимся экраном намного больше времени. Неужели подступающие слезы - выражение душевной боли? Но не из-за ревности же к этой Салли? Возможно, она немного ей завидует, но не из-за связи со Стюартом, а потому, что Салли знала, что такое иметь любовника, познать мужчину, его физическую силу, которая докажет женщине, как ее любят и хотят.

Сара этого не знала... и, скорее всего, не узнает никогда. В двадцать девять лет она была слишком стара, чтобы испытать всю силу подобной любви и страсти. А даже если она... Сара

вздрыгнула. Нет, она больше не хочет любить так, как любила Иэна. Это слишком опасно и губительно. Маргарет права: надо установить прочные, надежные отношения с приятным человеком, который, как и она, хочет устроить свою жизнь, жениться и иметь детей, с которым она могла бы прожить спокойно, без этих сумасшедших взлетов и падений любовной страсти.

Прекрати думать о нем. Какой смысл разрывать себе душу... из-за человека, которому ты не нужна, с отчаянием довела мысль до конца Сара. Хотя, в общем-то, об Иэне она и не думала. Она допила кофе и встала.

- Я, пожалуй, пойду. Мне надо кое-что доделать.

Идя к двери, Сара остро почувствовала, что Стюарт наблюдает за ней. Причем непонятно, почему так пристально.

Сара поработала на компьютере еще час и решила сделать перерыв.

Стюарт пригласил ее поужинать с ним, но она отказалась, заметив, что не может позволить кормить себя в благодарность за работу – достаточно того, что он заплатит ей деньги.

Позже, по дороге домой, он выглядел немного замкнутым. Неужели она его обидела, отказавшись от ужина? Нет, конечно. Но, представив впереди одинокий вечер, Сара почти пожалела, что не приняла его предложение. Общество Стюарта доставило бы ей удовольствие. В их беседе не было бы неестественных пауз. Хотя он и занимался сельским трудом, но по книгам в его кабинете и из их разговоров Сара уже поняла, что это человек широкого кругозора. Любая разумная женщина была бы счастлива иметь подобного мужчину не только как собеседника за столом, но и как любовника. Сара отогнала эту мысль прочь. Господи, что с ней случилось? Когда все ее помыслы и вся жизнь вращались исключительно вокруг Иэна, ей и в голову не приходило подумать о другом мужчине в сексуальном плане, а теперь...

Как только Стюарт остановил «лендровер», она открыла дверцу и поспешила выбраться из машины, не ожидая его помощи. В свете охранных огней, включившихся, когда они остановились, она увидела его решительно сжатые губы. Весь вид его показывал безразличие и замкнутость, и ей захотелось дотронуться до него и попросить не смотреть на нее так холодно. Она почувствовала, что дрожит как в лихорадке. Ее поразило, что она так расстроилась из-за того, что у Стюарта изменилось настроение. Когда он провожал ее к дому, Саре очень захотелось придвинуться поближе к нему. Для нее это было удивительно, так как обычно она старалась держаться от людей на некотором расстоянии и не касаться их. У двери в дом она остановилась и повернулась к Стюарту.

- Если вы не против, то я начну – завтра в десять утра и поработаю до трех часов, – быстро проговорила Сара.

- Значит, вы все еще согласны работать?

- Да, – горячо заверила его она. – Если... если вы не передумали.

- Нет, – коротко и почти раздраженно сказал он. – Вероятно, меня не будет, когда вы приедете. Я оставлю дверь незапертой. Потом мы как-нибудь договоримся о ключе.

Он замолчал, и Сара взглянула на него. Они стояли довольно близко, и тонкие, чувственные стрелы желания пронзили ее. Сара поскорее отвернулась, чтобы избежать искушения и не смотреть на рот Стюарта. Слава Богу, что он понятия не имел о том, как на нее действует его близость. Она сама с трудом это понимала и могла только объяснить подобное явление своей

необычной и нехарактерной реакцией на душевные раны, нанесенные ей Иэном и Анной: они посчитали ее бесполой, а ее тело отчаянно пыталось доказать их неправоту. Что бы ни было тому причиной, она надеялась, что это скоро кончится.

Позже, уже за ужином, Саре пришло в голову, что за день она вспомнила об Иэне единственный раз, и это было связано с ее влечением к Стюарту. Значит, она приняла правильное решение, приехав домой. Здесь будет легче, чем в Лондоне, забыть о прошлом. Предложение Стюарта о работе стало добавочным плюсом, которого она и не ожидала. Это не только поможет занять время, но и даст возможность сосредоточиться на чем-то другом, помимо той боли, которую причинил ей Иэн.

Что касается необычной и неловкой реакции на Стюарта как на мужчину... Сара была уверена, что это постепенно утихнет – по мере того, как она будет оправляться от перенесенных потрясений.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Прошло две недели, и вернулись родители. Мама была вне себя от радости, когда узнала, что Сара собирается пробыть дома долго, а еще больший восторг вызвало сообщение о том, что Сара работает у Стюарта.

Сара быстро поняла, что маме нравится Стюарт. Она не была знакома с Иэном, но по ее реакции на новость Сары о том, что она оставила работу у него, Сара почувствовала, родители вовсе не сожалеют, что Иэн больше не является частью ее жизни. Настоящая причина увольнения не обсуждалась. Если родители и догадались о чувствах Сары к Иэну, то тактично промолчали.

Первые несколько дней после возвращения родителей домой основной темой разговоров стали новорожденная внучка и двое внуков. Они привезли показать Саре фотографии малышки, которая, по словам мамы, была вылитым портретом бабушки в этом возрасте. В душе Сара понимала, что мама преувеличивает, но, естественно, ничего не сказала и вернула фотографии, подавляя тоску в сердце. Она любила сестру и зятя, но впервые по-настоящему позавидовала сестре: два здоровых, резвых мальчугана, а теперь и девочка. Джекки же всего на пять лет была старше Сары. Она говорила себе, что ей еще нет тридцати и впереди достаточно времени, чтобы выйти замуж, но боль, которую она испытывала, глядя на фотографии маленькой племянницы, предупреждала, что ее потребность в детях, желание их иметь растут с каждым днем и становятся все сильнее. И поэтому все чаще Сара возвращалась к совету Маргарет. Всю свою взрослую жизнь она любила Иэна, а ему она была не нужна. Сара совершенно не могла представить себя снова влюбленной, так как любовь причинила ей столько боли и оказалась такой разрушительной. Нет, больше рисковать и влюбляться она не хотела, но также не хотела оставить мечту о детях. А это значит, что ей следует принять совет Маргарет: серьезно подумать об отношениях, основанных на чем-то менее волнующем и идеалистическом, чем ее влюбленность в Иэна.

Сара нахмурилась, вспомнив, как на Рождество, еще до всех потрясений, вернувшись от родителей в Лондон, она была приглашена к Маргарет полюбоваться на детские рождественские подарки. Бен тогда заметил, какой хорошей матерью она могла бы стать, а Сара призналась, как ей хотелось иметь семью. Маргарет сказала, что она не представляет Иэна в роли отца, что вызвало отпор со стороны Сары, но сделала она это как-то инстинктивно и автоматически. Теперь она поняла, что это было правдой и какая-то часть ее существа всегда это знала, но, несмотря ни на что, она упрямо цеплялась за свои дурацкие мечты и надежды, хотя много раз их с Иэном взгляды на жизнь совершенно не совпадали. Она признала, что

была душой и - что еще хуже - упорно и самоуничижающе игнорировала здравый смысл: Иэн, как бы она его ни любила, не тот человек, с которым она смогла бы жить в ладу. Теперь же, со смехом говорила Сара себе, у нее точно не будет шансов найти возможного мужа и отца ее детей, пока она работает у Стюарта.

Хаос из его документов был сведен ею до приемлемого уровня. Она ждала, когда он даст ей списки запасов деревьев, чтобы она могла рассортировать их по видам, возрасту, высоте и так далее. А когда в будущем к нему поступит запрос на деревья, то достаточно нажать на кнопку компьютера - и он получит перечень требуемой информации. Когда она сказала Стюарту об этом, он усмехнулся и ответил, что носит всю эту информацию в голове. Трудно было не улыбнуться в ответ. Но она твердо указала ему на то, что он не сверхчеловек и может случиться, что по какой-то причине его не будет на месте, а сведения потребуются.

Чем больше Сара узнавала Стюарта, тем легче ей с ним работалось. Их соединяло чувство юмора, глубокая любовь к сельской местности, общее понимание необходимости сохранения природы. Стюарта уже приглашали участвовать в заседаниях местных природоохранных комитетов. Теперь, когда она прибрала к рукам его документы, так Стюарт выразился, он надеялся больше выкраивать времени для занятий делами округа.

Так или иначе, но четыре рабочих часа, о которых они договорились, растягивались на шесть, а иногда и на восемь. Сара все с большей охотой углублялась в документационную часть его дела. Ей нравилось, что Стюарт полностью доверял ей, и она получала удовольствие, используя свои компьютерные навыки. Проработав месяц, Сара уже могла авторитетно и со знанием дела говорить с будущими заказчиками о возможности пересадки различных пород, успокаивать их относительно безопасности при транспортировке взрослых деревьев.

Был назначен день крестин племянницы. Сара настороженно отнеслась к маминому предложению пригласить Стюарта принять участие в церемонии. Она была против, сказала, что у Стюарта масса других дел, но он спокойно принял приглашение. Когда у него было свободное время, он частенько отвозил ее к себе утром и привозил домой вечером, заявляя, что несправедливо подвергать ее машину риску быть сломанной на узкой неровной дороге, которая вела к замку. Конечно, она могла проявить независимость, но, по правде говоря, ей слишком нравилось его общество, и она получала удовольствие, когда задерживалась с работой до темноты и Стюарт предлагал совместный ужин.

Стюарт все дольше и дольше находился вне дома, и часто днем она почти его не видела. Хотя бывало, он неожиданно появлялся, заполнял собой кабинет и требовал, чтобы она сопровождала его в поездках по поместью, поскольку он хотел показать ей что-то новенькое.

Каждое утро Стюарту доставляли газеты, включая «Таймс», и Сара обычно просматривала их за ленчем. Вначале она хотела уезжать на время ленча домой, так как понимала, что замок не только место работы Стюарта, но также и его жилье и что как бы вежливо он ни отрицал этого, но, скорее всего, предпочел бы, приезжая домой, не лицезреть ее, уютно устроившуюся в кресле у плиты. Однако через пару недель Стюарт сказал, что если его присутствие в доме во время ее ленча и отдыха мешает, то он готов не приезжать днем. Сара заверила его, что это не так. К тому же она знала, что разумнее всего ей находиться в это время в замке, чтобы отвечать на телефонные звонки.

В тот день Сара обнаружила в «Тайме» очень деловую и интересную статью о парниковом эффекте и об ущербе, нанесенном предыдущими ураганами лесным массивам страны. В статье упоминалось о том, что возможна замена поврежденных ураганом деревьев на взрослые широколиственные особи. Сара стала искать ручку, чтобы отметить статью для Стюарта, и

посмотрела на противоположную страницу. И надо же было так случиться, что из всех объявлений на этой полосе ее взгляд выделил именно сообщение о помолвке Анны и Иэна и об их предстоящей свадьбе. Когда она это увидела, то словно приросла к креслу, не в состоянии отвести глаз от жирного черного шрифта. Она услышала, как открылась дверь и вошел Стюарт, но у нее не было сил оторваться от газетной страницы. Сара ощутила дрожь, хотя ей не было холодно. Она слышала, как Стюарт что-то говорит ей, его голос доносился издалека, и в нем отчетливо звучало беспокойство. Он повторил ее имя и широкими шагами подошел к ней.

- Сара, что такое, что случилось?

Звук его голоса, хриповатого от тревоги, его близость, тепло и покой от самого его присутствия прорвались сквозь лед, сковавший ее. Она почувствовала, как оцепенение от прочитанного объявления сменилось глубокой эмоциональной разрядкой: слезы потоком хлынули из ее глаз. Увидев это, Стюарт наклонился над газетной полосой, пытаясь разглядеть, что она читает. Потом он решительным жестом вырвал газету из ее рук, отбросил подальше и обнял Сару, причем сделал это так обыденно-автоматически, словно давно привык подобным образом утешать ее. Сара прильнула к нему, и это тоже произошло как бы совершенно естественно. Он поднял ее из кресла и, обхватив руками, осторожно покачивал в своих объятиях, произнося глуховатым голосом слова утешения и сочувствия.

- Да он просто дурачок, - донеслось до Сариных ушей, - если предпочел вас кому-то...

От этих слов она даже рассмеялась: какой заступник!

- А что, разве не так? - спросил Стюарт, насупившись.

Сара отрицательно покачала головой.

- Это не вина Иэна, что он любит Анну, а не меня. Во всем виновата я, позволяла себе верить... - Она закусил губу, не в состоянии признаться даже Стюарту, как сильно ранила ее и продолжает ранить жестокая правда, сказанная Анной.

- Значит, дело не только в том, что он женится на другой? - поняв, спросил Стюарт.

Сара уставилась на него широко открытыми глазами. Откуда он знает?

Он все еще не отпускал ее, и она ощущала тепло его тела. Откинувшись назад, она посмотрела на него и спросила:

- Как вы узнали?.. - Сара покраснела, однако, собравшись с духом, продолжила: - То, что Анна сказала мне? Правду - то, что есть на самом деле?..

В ответ Стюарт крепче прижал ее к себе, словно хотел забрать от нее всю боль.

- Какую еще правду? - тихо спросил он. Сара отвернулась и уткнулась лицом ему в плечо. Из-за природной стеснительности она не могла внятно объяснить, что имеет в виду, но это длилось всего секунду, с трудом она овладела собой.

- Когда Анна... - залепетала она, - когда она сказала мне, что Иэн... что они с Иэном знают о моих чувствах к нему, она стала смеяться надо мной; она сказала, что, даже если бы Иэн не влюбился в нее, я ему никогда не была бы нужна. Ни один мужчина никогда не захочет меня... потому что я... потому что я бесполоая... никому не нужная...

От избытка горестных чувств Сара охрипла. Голова ее лежала на плече у Стюарта, и она была не в состоянии посмотреть на него, боясь увидеть в его глазах жалость. Он ведь стал для нее больше чем работодатель. Он стал другом, и очень хорошим другом... первым действительно близким другом-мужчиной. Она чувствовала, что он отнесется к ее откровениям с симпатией и сочувствием, но ей было неловко оттого, что она разоткровенничалась. Что с ней? Неужели она так сильно изменилась за короткое время? Та женщина, какой она себя считала, никогда и не помыслила бы доверить подобное кому-нибудь, тем более мужчине. Но, как ни странно, несмотря на стыд, она ощутила облегчение, освобождение от бремени, которое со временем становилось все тяжелее.

- И вы ей поверили? - Явное возмущение в его голосе заставило Сару встряхнуться, поднять голову и взглянуть на него. - Разве вы не понимаете, что она сознательно хотела обидеть вас? Она ведь лгала вам.

- Нет. Я...

- Она говорила неправду, - настаивал Стюарт. - И я могу это доказать. Вы вовсе не бесполоя и не нежеланная, Сара. На самом деле...

Сара почувствовала, как напряглось ее тело, ее охватила дрожь, а он, бормоча что-то себе под нос, поднял руку к ее лицу и, проведя по нему, приблизил к своему.

- Вы и теперь чувствуете себя нежеланной? - глухо пробормотал он, ловя губами ее рот.

Грубовато-чувственный поцелуй, который последовал затем, отгнал прочь все ее сомнения и страхи. Когда-то давно она мечтала, что ее поцелуют именно так, хотя возлюбленный не имел определенного лица и был плодом ее подросткового воображения. Тогда поцелуй и прикосновения мужчины были чем-то неизведанным. И все же она знала, что это может быть только так, и однажды так и будет: настанет день, когда этот человек войдет в ее жизнь, дотронется до нее и его поцелуй зажжет чувственный огонь, в пламени которого сгорят ее девичьи страхи и опасения. Потом она встретила Иэна и отбросила подобные детские мечты, посвятив себя тому, кого полюбила.

Вначале, когда она впервые его встретила, ей безумно хотелось, чтобы он ее поцеловал. Она тосковала по его прикосновениям, рисовала в своем воображении, что это произойдет так, как виделось в мечтах. А когда Иэн это сделал, то оказалось, что реальность бесконечно далека от вымысла. Она тут же решила, что сама виновата, по глупости считая, что обыкновенный поцелуй может быть упоительным и потрясти настолько, что откроет волшебную дверь в царство наслаждений. Вместо этого поцелуй Иэна оказался безупречным поцелуем опытного мужчины, но ее не взволновал. Она вспомнила это теперь, когда все кругом закружилось, а сердце упало от ужаса происходящего. Сара хорошо помнила, что из-за преданности Иэну она обманывала себя и не хотела признавать, что его поцелуй не оправдал ожидаемого. Она также помнила, как надеялась, что за поцелуем последует признание в растущих чувствах к ней, и как была обманута, когда он, хотя и продолжал поддразнивать и иногда целовать ее, ни разу не попытался продвинуться дальше в их отношениях. Из-за этого она чувствовала себя обойденной, неуверенной в своей женской привлекательности и даже виноватой - ведь она хотела от него большего, чем он мог дать. Сара винила себя за непредусмотрительность, за то, что не поощряла его, а лишь глупо надеялась, что однажды все изменится и он полюбит ее.

Она так долго кормилась крохами, что сегодняшний пир наслаждения был для нее слишком обильен. Но чувства взяли верх над предостережениями ума и жадно вкушали ту радость, что дарил ей Стюарт.

Он только поцеловал ее, а вся ее плоть так бурно отреагировала, словно он касался ее тела в интимной ласке, познавая его секреты. Сара напряглась в его объятиях, а он, оторвав свои губы от ее, хриплым требовательным голосом произнес:

- Попробуйте теперь сказать, что вы не вызываете желания.

Смущенная и шокированная, Сара беспомощно произнесла:

- Не нужно было этого делать. - Ей претила мысль, что из жалости к ней он каким-то образом вызвал у себя желание, которое никак не мог испытывать.

- Напротив, очень нужно, - решительно сказал Стюарт и тем самым подтвердил ее опасения.

Она освободилась из его объятий и отвернулась.

- Вы очень добры, но... - произнесла Сара, задыхаясь.

- Добр? - с возмущением переспросил Стюарт. - Вы что, так одержимы им, что не видите, не понимаете?.. На что вы надеетесь, Сара? Что он передумает и приедет за вами, станет упрасивать?..

- Нет, конечно, нет. - Сара поморщилась от боли, которую ей причинили его отрывисто-грубые слова. - Я не дура и понимаю, что этого не произойдет. Я знаю, что мне надо примириться, и прихожу к мысли, что Маргарет была права, говоря, что мне следует поискать человека схожих взглядов и устроить свою жизнь. Кого-нибудь, кто, как и я, хочет иметь семью и готов принять...

- ...второй сорт? - безжалостно закончил Стюарт, и Сара снова поморщилась от его слов.

- Не обязательно, - сказала она слабым голосом. - Если мы будем честны друг с другом с самого начала... и оба будем знать и понимать, что...

- ...что вы любили кого-то другого. Вы на самом деле так хотите иметь детей?

Она помолчала, а затем смело посмотрела на него и произнесла:

- Да, хочу.

Наступило молчание, которое долго никто не решался нарушить. Потом Стюарт сказал:

- Мне надо возвращаться к рабочим, но сначала... - Он протянул руку к столу, взял газету, вырвал страницу с объявлением, разорвал ее пополам, а потом еще раз пополам и, открыв дверцу плиты, швырнул смятую бумагу в огонь. Когда пламя погасло, Стюарт обратился к Саре: - Почему бы вам не отдохнуть остаток дня?

Она покачала головой.

- Нет, я не хочу. Мне лучше чем-нибудь заняться.

Странно, но, когда он ушел, а она занялась составлением графика различных стадий роста дерева в заново посаженном месте, не Иэн присутствовал в ее мыслях, мешая работать, и не из-за него она невидящим взглядом смотрела в пространство, а из-за Стюарта.

Дрожащими пальцами Сара дотронулась до рта, и тут же ее бросило в жар, она почувствовала

слабость, так как сознание вызвало в воображении те ощущения, которые она испытала от поцелуя Стюарта. Сара отняла руку ото рта, но продолжала дрожать, словно ребенок, которого застали с рукой, запущенной в банку с печеньем.

Она не понимала, что с ней происходит, не могла определить те порой неясные, а иногда, наоборот, удивительно ясные и сильные чувства, которые испытала, а поэтому ей не удавалось их спокойно и логично проанализировать. Не могла понять, почему, когда ее поцеловал Стюарт, в котором она видела друга и соседа, она почувствовала, как ее захлестывает страстная волна сексуального влечения. Она почти теряла сознание от желания слиться с ним. Когда же ее целовал Иэн, которого она любила, то его поцелуй оставлял ее разочарованной, неудовлетворенной и опустошенной.

В половине шестого Стюарт еще не вернулся. Сара признала, что сегодня ее умственная отдача не соответствует заданному высокому уровню и что большую часть умственной энергии она потратила, пытаясь разрешить тайну объятий и поцелуев Стюарта.

В шесть часов она убрала все на письменном столе и решила ехать домой, трусливо сознавая, что половина ее существа хочет и боится увидеть Стюарта, так как все еще трепещет от ощущений, рожденных его поцелуем. Другая же половина с еще большим мучением побуждала ее подождать Стюарта, заняться чем-нибудь, пока он не вернется. Почему с ней такое творится? Оттого, что она хотела, чтобы происшедшее не повлияло отрицательно на их рабочие отношения? Или оттого, что ей было необходимо, физически и духовно, видеть его, быть с ним?.. Сара быстро прогнала прочь все эти мысли, боясь зайти слишком далеко по опасной тропе.

За ужином она настолько ушла в себя, что маме пришлось несколько раз повторить свой вопрос.

- Прости, - извинилась Сара, - я задумалась.

- Ты ведь не скучаешь по Лондону, дорогая? - забеспокоилась мама. - Мы так рады, что ты здесь, с нами, но...

- Нет, я совсем не скучаю, - заверила родителей Сара, удивляясь, что говорит это искренне. Она привыкла к жизни в деревне быстрее, чем ожидала, и никаких проблем в связи с этим для нее больше не существовало.

Конечно, каждый раз, когда она думала об Иэне с Анной и особенно о жестоких замечаниях Анны, у нее внутри все жгло от такой мучительной боли, как будто кто-то насыпал соли на незажившую рану. Но разве соль не обладает очищающим и прижигающим действием, разве она не лечит раны? Не помогает ли острота этой боли каким-то образом уйти от прошлого? И не является ли проклятой мысль о возвращении в Лондон, где она может случайно встретиться с Иэном и Анной? Но Лондон слишком огромен, и шансы встретить Иэна и его невесту незначительны. Так что же держит ее здесь, в Шропшире? Уют дома, тепло родительской любви, новая, поглотившая ее работа? Да, это все составные части ее желания остаться, продлить отпуск. Глубокий атавистический страх овладевал ею от одного только предположения, что она могла бы вернуться в Лондон. Но почему? Ведь в Лондоне она провела большую часть своей взрослой жизни, там она прожила и проработала вполне счастливо целых десять лет. Только ли из-за Иэна и Анны она совершенно не стремится вернуться туда? В конце концов, там у нее друзья, приятный круг общения, доступ к развлечениям, которых нет в замкнутом сельском окружении.

Позже, ночью, когда давно пора было спать, этот вопрос снова мучил ее. Сквозь шторы полная луна освещала комнату; Саре были слышны крики ночных птиц, которые, подобно ей, не могли успокоиться. Почему, когда мама спросила, не хочет ли она вернуться в Лондон, она почувствовала такое сильное отвращение, такую боязнь и нежелание туда возвращаться?

И почему, когда Стюарт поцеловал ее, она испытала необыкновенно сильные чувства, которых ни разу не испытывала при поцелуях Иэна?

Эти волнующие вопросы остались без ответа до самого утра.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Стюарт избегал ее – Сара была в этом уверена, хотя он и привел правдивое объяснение, что из-за исключительно теплой и сухой погоды плантации питомника требовали постоянного внимания и контроля. Дома он все же бывал, но, как бы рано она ни приезжала и как бы поздно ни задерживалась под предлогом большого объема работы в связи с резким повышением спроса на деревья, Стюарта она никогда не заставляла.

По ее совету он поместил дополнительные объявления в нескольких ежемесячных журналах, включая «Сельскую жизнь», и даже она удивилась количеству заказов по этим объявлениям.

Неужели из-за того поцелуя? Почему прекратились их долгие и удивительно разнообразные беседы, от которых она получала столько удовольствия? Сара печально признала, что ей недостает общества Стюарта. И вдруг днем, спустя неделю после того многозначительного случая, он вошел в кабинет. У него было такое напряженное лицо, что Сара решила: произошло несчастье.

Она приподнялась из кресла и с беспокойством воскликнула:

- Стюарт, что случилось?

Он покачал головой и ответил:

- Ничего, просто... – Стюарт повернулся лицом к окну, заслоня собой свет. В полумраке маленький кабинет выглядел по-домашнему. – Я хочу вам кое-что сказать, – отрывисто произнес он.

У Сары екнуло сердце. Неужели он собирается сообщить, что больше не нуждается в ее работе? Эта мысль привела Сару в отчаяние.

Он стоял к ней спиной, весь застыв от напряжения. В ожидании того, что он скажет, Сара тоже вся замерла. Ей не хотелось услышать слова о том, что ее работа больше не нужна... Она не готова была к тому, что по какой-то причине он больше не хочет видеть ее в своем доме.

Совершенно очевидно, что их дружба, столько для нее значащая и, как она полагала, прочная и надежная, была сплошной выдумкой с ее стороны и для него не столь важна, как для нее.

У Сары пересохло во рту, а ладони вспотели. Гордость подталкивала ее не ждать, пока он произнесет эти слова, а опередить его, сказать, что она догадалась и что она согласна: ей лучше уехать. Но пока слова выстраивались у нее в голове и она пыталась их произнести, он опередил ее, отрывисто спросив:

- Вы действительно готовы выйти замуж, чтобы иметь детей?

Сара была настолько ошеломлена, что не могла не только говорить, но и вникнуть в то, что он сказал. Она ожидала совершенно другого вопроса и не могла сразу переключиться и должным образом ответить.

Его вопрос так смутил ее, что прошло несколько секунд, прежде чем она смогла, запинаясь, пробормотать:

- Да, да... я... но...

Она не успела продолжить, как Стюарт, не оборачиваясь, прервал ее:

- Хорошо. В таком случае у меня есть один план.

- План?

В ее голосе отразилось недоумение и смтение. Стюарт повернулся к ней. Напряжение на его лице несколько ослабло и сменилось почти печальным выражением.

- Ну, возможно, здесь лучше подходит слово «предложение», хотя, памятуя о романтическом подтексте этого слова... Я прошу вас выйти за меня замуж, Сара. О, я знаю, что выбрал, возможно, не то время и не то место. Я вижу, вы потрясены, а это не сулит мне ничего хорошего. Но я проворачивал в уме много раз, пытаюсь придумать, как лучше сделать предложение, и в конце концов решил, что... Достаточно того, что я выбрал самый прямой путь... - Он искоса посмотрел на нее. - Наверное, Джон Синьор решил, что я сошел с ума. Мы только начали высаживать в грунт новые деревца, как я вдруг понял, что не могу больше откладывать с предложением, и оставил его в окружении почти пятисот саженцев...

Сара уставилась на него. Ее охватила дрожь, словно после сильного потрясения.

- Вы хотите жениться на мне? Но...

- Мне нужна жена, - безразличным голосом сказал Стюарт. - Как и вы, я хочу завести семью. Мне кажется, что брак у нас должен состояться, по крайней мере на пятьдесят процентов, поскольку у нас столько общих интересов и одинаковая цель в жизни плюс то обстоятельство, что нам хорошо вместе. Мы оба стремимся к подобному браку, поэтому, возможно, у нас будет даже больше шансов на удачу, чем у тех, кто считает, что они влюблены и что это чувство может их связать на всю жизнь. Я не хочу давить на вас, Сара, - ваше вынужденное согласие меня не устроит. Прежде чем вы ответите, я должен еще сказать, что все это я обдумывал не раз; у меня было время, чтобы привыкнуть к этой мысли, дать ей окрепнуть и оформиться, и только тогда я пришел к выводу, что пора действовать. У вас же не было возможности все обдумать. Я вижу, вы удивлены... и потрясены. Пожалуйста, не отвергайте мое предложение сгоряча. Подумайте о нем. Я готов ждать. Я понимаю, вам нужно время, чтобы все обдумать, возможно, даже обсудить это дома.

- Но мы не любим друг друга, - запротестовала Сара охрипшим от волнения голосом. - Я... вы...

Она подумала о той, другой женщине. Той, которую он любил, и в сердцах задалась вопросом: сделал бы ей Стюарт предложение, если бы не страдал от отказа той, другой? Глупо размышлять об этом, особенно при теперешних обстоятельствах и когда она сама...

С удивлением она поймала себя на том, что вместо того, чтобы тотчас отвергнуть его предложение, она в мыслях перелетала с одной незначительной подробности на другую, словно бы боясь сосредоточиться на сути дела.

Брак со Стюартом... Брак с человеком, которого она не любит... и который не любит ее. Это просто нелепо, почти оскорбительно. И все же когда она задумалась над смыслом его предложения и спросила себя, что она ощущает, то была удивлена, как легко и спокойно она на это отреагировала. Брак со Стюартом... Дети от Стюарта... Жить здесь – вместе со Стюартом и детьми.

Глаза выдали ее смятение и переживания. Она покраснела, так как поняла, что Стюарт наблюдает за ней.

- Это... это...

- ...так неожиданно? – кисло усмехнулся он.

- Я... я не могу поверить, что вы действительно этого хотите.

- Поверьте мне, хочу. Я ведь собираюсь с духом с момента нашей первой встречи.

С того вечера, когда они познакомились? Но она не говорила ему о совете Маргарет поискать подходящего человека, с которым она могла бы спокойно и дружно прожить всю жизнь. Сара вдруг сообразила, что Стюарт ждет от нее ответа на свое... предложение.

- Я... я просто не знаю, что сказать, – беспомощно произнесла она.

- Вы имеете в виду, что знаете ответ, но не хотите обидеть меня, или это означает, что вы не совсем против моего предложения, но вам нужно время для обдумывания?

- Да, – ответила Сара и пояснила: – Я хочу сказать, что не против того, чтобы... выйти за вас замуж, но я... В общем, я не ожидала...

- Вы хотите сказать, мол, все это так неожиданно, мистер Делани, – слегка поддразнил он ее, разрядив ситуацию.

Сара рассмеялась. Она была благодарна ему за проявленное чувство юмора.

- Да, именно так, – согласилась она. – Я понимаю, что вы... – Она замолчала, не желая думать о том, что он любит другую и что эта другая, по-видимому, навсегда теперь вычеркнута из его жизни, как Иэн из ее. – Я знаю, что для нас обоих этот брак будет браком второго сорта, – торопливо проговорила Сара, не в состоянии взглянуть на него, не желая увидеть боль в его глазах от того, что она не та, кого бы он предпочел и с желанием выбрал бы, будь на то его воля.

К удивлению Сары, Стюарт тут же поправил ее, сказав почти резко:

- Я вовсе не смотрю на наш брак как на второсортный. Как раз наоборот. Я считаю... – Он замолк, а затем продолжил более спокойно: – Я уже сказал, что не хочу вас торопить. Я знаю, чего хочу. Я также знаю, что, если вы решите выйти за меня замуж, у нас будет все необходимое для счастливого, прочного брака и хорошей атмосферы в семье для наших детей. Подумайте об этом, Сара. Ясно, что, чем скорее вы сможете дать мне ответ... По крайней мере мы можем быть уверены в одном, – добавил он, слегка отвернувшись от нее, – с сексуальной стороны мы абсолютно совместимы.

Господи, откуда он это взял? Как он может это знать? Сара хотела было спросить, но не решилась, сознавая наивность и неловкость вопроса. В груди запрыгало сердце, а тело словно

пронзило электрическим током. От волнения она чувствовала себя виноватой, потому что именно так было, когда он поцеловал ее и она охотно откликнулась на его поцелуй.

- Мне надо вернуться к саженцам, - услышала у себя за спиной Сара голос Стюарта. - Если хотите, можете уже закончить работу и поехать домой. Я понимаю, что момент для предложения выбран мною едва ли удачно, но...

- Нет, нет... Ведь если бы мы...

- ...были влюблены, - мрачно заключил Стюарт. - Но это, как я понимаю, не так. Даже если и так, то некоторая тонкость не помешала бы. - Он задержался у двери, обернулся и взглянул на нее. - Неважно, что вы сейчас думаете, - спокойно сказал он, - но что касается меня, то наш брак никогда не станет второсортным. А как вы решите на него смотреть, это, конечно, ваше дело.

И, прежде чем она успела ответить, он ушел. Сара осталась одна. Ей казалось, что она уснула и видит удивительный сон. На самом деле она понимала, что не спит и что Стюарт действительно предложил ей выйти за него замуж. Но больше всего ее поразило не его предложение, а ее собственное отношение ко всему происшедшему: она почти инстинктивно поняла, что ей легко сказать ему тотчас же «да» и так же легко представить реальность этого брака. Но он был прав - ей необходимо хорошенько подумать. И не только ради своего блага. И даже не ради него, а, что самое важное, ради детей, которые, как они оба надеются, у них будут. Она могла бы рискнуть и совершить ошибку, но из-за них она не имеет на это права.

Когда она вернулась домой, послушавшись совета Стюарта, то родители были на кухне. Мама готовила тесто для пирога, а отец сидел около плиты и читал газету.

- Сара, ты так рано дома! Что-нибудь случилось? - забеспокоилась мама, когда Сара вошла.

Сара отрицательно покачала головой и неожиданно для себя произнесла:

- Стюарт только что сделал мне предложение.

Потом она говорила себе, что собиралась рассказать, что предложение Стюарта было продиктовано не любовью и страстью, а логикой и разумом. Но, так или иначе, оттого, что мама очень взволнованно прореагировала на это известие, Сара не успела прервать ее и объяснить, что побудило его сделать ей предложение. Родители же решили, что они оба влюблены.

- О, он тебе очень подходит! - Мама была в восторге. - Именно такого человека мы с отцом и хотели для тебя. Вы уже условились о дате? Когда?..

- Дай ей дух перевести, Эйлин, - мягко вмешался отец. - Пусть девочка сама все расскажет.

- Мы... мы пока ничего не планировали, - слабым голосом произнесла Сара. - Это... только что произошло, я даже...

- Ну, откладывать нечего, - прервала ее мама, прежде чем Сара успела сказать, что она еще не приняла предложения Стюарта, или объяснить родителям, какие у него были побуждения. - Вам ведь не надо подыскивать себе дом... Вы могли бы пожениться в июне. Свадьбу можно устроить здесь, в саду. Розы как раз расцветут, а на лужайке достаточно места для шатра.

Отец нерешительно запротестовал против возможной опасности для его любимого сада, но

Сара почти не слушала родителей, а представляла себе, как она в старинном одеянии из тяжелого кремового атласа невесомо парит прямо в объятия Стюарта, а он...

Сара очнулась и виновато подумала, что она уже достаточно разумная и взрослая, чтобы предаваться подобным мечтам. Свадьба... свадебное платье... Все принадлежности традиционной церемонии никогда особенно не привлекали ее, хотя она бы предпочла церковную.

Если бы она выходила замуж за Иэна, то он захотел бы либо краткий гражданский ритуал и никакого торжества, либо – наоборот – венчание только в лондонской церкви и прием, который потянул бы на тысячу фунтов и наделал бы шуму в прессе. Из одной крайности в другую, но в этом был весь Иэн – человек внезапных страстей и быстро испаряющегося энтузиазма. Будет ли он верен Анне? Если нет, то она уж заставит его пострадать за это. Она не станет молча терпеть. Их брак будет современным, основанным на общем желании прожить беспечно и быть на виду. Обдумывая разницу между возможной жизнью с Иэном и жизнью со Стюартом, Сара признала, что жизнь с Иэном могла бы оказаться ей чуждой и причинить боль. Если бы он любил ее так же сильно, как она его, то это возместило бы отсутствие общих целей и интересов. А если нет?

Сара вздрогнула, а мама тут же с тревогой спросила, как она себя чувствует.

- Хорошо, – заверила Сара.

- Я должна позвонить Джекки – та придет в восторг. Конечно, мальчики будут пажамы. Как жаль, что Джессика еще мала.

- Эйлин, – грубовато прервал маму отец, – это же свадьба Сары. Дай и ей сказать, дорогая, что она хочет, а то ты уже все наметила. Ты ведь не собираешься тайно сбежать, а, Сара? – пошутил он.

Сара улыбнулась в ответ. Мама тут же укорила его:

- Господи, Джек, что ты такое придумываешь? Конечно же, она никуда не сбежит. Предстоит много дел... ресторанное обслуживание и шатер...

- Мама, я не...

Я еще не решила, выйду ли я замуж за Стюарта, хотела сказать Сара, но почему-то произнесла другое:

- Я еще не решила, какой будет свадьба. Ведь Стюарт только что сделал предложение. Может быть, он захочет, чтобы все было тихо и неофициально. Мужчины часто так хотят...

- Ну, может быть, – такую мысль мама допускала, – но он передумает, как только поймет...

- Эйлин! – снова вмешался папа.

Мама замолчала, а потом уныло произнесла:

- Прости, дорогая. Я немного забегаю вперед. Конечно, все решаешь ты. Если захочешь скромную свадьбу...

- Я должна обсудить это со Стюартом, – сказала Сара.

Она до сих пор не могла поверить в происходящее: в то, что Стюарт сделал ей предложение, а она каким-то образом дала понять маме, что не только приняла предложение, но что их отношения со Стюартом и будущий брак – не прозаическая действительность, а сплошная романтика.

За чаем Сара попыталась разобраться с тем, что произошло. Это были не очень веселые размышления. Нужно побыстрее сказать Стюарту, что она принимает его предложение, иначе вся деревня, кроме него, будет знать, что она выходит за него замуж.

Пришлось прервать мамины восторги и предупредить, что в настоящий момент эта новость известна только им четверым.

Она позвонила Стюарту, так как хотела увидеть его вечером и предупредить о реакции родителей, но, как и следовало ожидать, его не было дома. Значит, придется звонить позже, когда стемнеет, или оставить все как есть до утра.

Решение пришло без ее участия позже, во время еды. Мама сказала:

– Ты, наверное, хочешь переодеться и поехать обратно к Стюарту. Теперь до свадьбы мы и не увидим тебя. Я помню то время, когда мы с отцом были обручены... нам не хватало времени, когда мы виделись. Правда, Джек?

Было бесполезно пытаться объяснить родителям, что их отношения совершенно непохожи на то, что у них происходит со Стюартом, и что Стюарт далек от мысли проводить с ней каждую свободную минуту и, наверное, будет рад некоторой отстраненности с ее стороны.

Сара нахмурилась – от этой мысли сердце пронзила боль.

Она с трудом поддалась на мамины уговоры подняться наверх и привести себя в порядок, чтобы поехать обратно в замок.

Когда она спустилась вниз, сменив лишь блузку, в прежнем рабочем костюме, мать попеняла дочери, что та могла бы уж надеть что-нибудь более красивое и женственное. Сару охватило уныние, так как мамина мягкая критика напомнила язвительные замечания Анны.

Разве она не женственна? Она так не считала. Возможно, ее одежда и была немного официальной и деловой. Но она одинаково уютно чувствовала себя в джинсах, толстом свитере и резиновых сапогах. Если она не носит вычурные жабо и оборки, то это вовсе не лишает ее женственности.

– Оставь девочку в покое, – заметил папа. – Она и так прекрасно выглядит.

– Конечно, – поспешила заверить Сару мама. – Я просто подумала...

Сара тихонько отворила кухонную дверь. Теперь отступление было невозможно. Слишком поздно передумывать, а все потому, что она позволила маме вынести поспешное и неправильное заключение. И вот она вынуждена принять предложение Стюарта или «план», как он выразился. Но разве в глубине души она не знала, что произойдет, как только она попытается объяснить маме ситуацию? Разве в тайниках ее сердца не был готов ответ? В конце концов, легче сказать себе, что у нее не было другого выбора, кроме как принять предложение Стюарта, раз мама решила, что они влюблены друг в друга, чем хладнокровно анализировать и взвешивать все «за» и «против» и подсчитывать очки.

Несмотря на сомнения и опасения, что ее действия выходят за рамки общепринятого, Сара уже была готова выйти замуж за Стюарта, но ей и в голову это не приходило, пока он сам не начал разговор. Ее удивило, с какой легкостью она взглянула на себя в роли его жены.

Он и не ждет ее возвращения, его может не быть дома. Все это Сара говорила сама себе, подъезжая к замку.

И вот она здесь и чувствует неловкость, глупость и уязвимость своего положения. Ведь то, что она собиралась сказать, спокойно можно было сделать завтра утром. Вполне в ее силах было прервать мамины любопытные расспросы, сказав, что они не собирались проводить вечер вместе, так как Стюарту необходимо закончить новые посадки.

«Лендровера» во дворе не было. Она увидела только грудку старых кусков древесины. Стюарт, очевидно, еще работал. Значит, ей нужно было либо возвращаться домой, либо остаться и ждать, когда он вернется. Или поехать по поместью в поисках его. Отбросив последний вариант, она размышляла, что ей делать, как вдруг услышала шум приближающегося «лендровера».

- Сара! - окликнул ее Стюарт, заглушив мотор и выходя из машины. - Я не ожидал...

- Да, я знаю, но мама... - Сообразив, что не с того начала объяснять, Сара замолчала, сделала глубокий вдох и затем спросила: - Стюарт, я во сне или наяву слышала ваше предложение о браке?

- Наяву, - заверил ее он.

В резком свете охранных огней, озаряющих двор, он выглядел усталым. На лице были следы грязи, а на скуле - маленькая ранка там, где его хлестнула ветка.

Когда он подошел к ней, Сара уловила теплый запах его кожи и, к своему ужасу, почувствовала, как ее тело непреодолимо реагирует на него. Слава Богу, в панике подумала Сара, что она не надела тонкую блузку с рюшками, как предлагала мама. Иначе набухшие соски были бы видны не только ей, но и Стюарту. Она едва не стала запахивать жакет поплотнее. Но даже малейшее ее движение приводило к тому, что соски болезненно пульсировали.

- Идите в дом, а то вам, наверное, холодно, - сказал Стюарт.

От мысли, что он, должно быть, заметил, что с ней происходит, лицо у нее запылало. Но потом она сообразила: из-за того, что она куталась в жакет, он решил, будто ее знобит.

Идя вслед за ним, Сара сказала:

- Мне не следовало приезжать. Вы, наверное, еще не ели, я ведь знаю, как вы заняты...

- Не настолько занят, чтобы не найти время для вас, - заверил он и, повернувшись, серьезно взглянул на нее. - Вы чем-то явно обеспокоены. Наверное, вы обсудили мое... предложение с родителями.

- Я попыталась, но мама не так поняла, и, прежде чем я начала объяснять, она уже решила, что это предложение о браке, а не «план» жизни, как вы выразились. Она полагает, что мы с вами влюблены, - решительно произнесла Сара. - Я знаю, что должна была попытаться объяснить ей, но раз она так решила и была явно возбуждена от этой новости... - Сара

беспомощно повела плечами. – Это трусость с моей стороны, я знаю. Мне следовало сказать ей правду, но это все равно что попробовать остановить скорый поезд, – добавила она удрученно. – Мы не успели допить чай, как у нее уже был готов план бракосочетания, с шатром и с закусками на лужайке, свадебная церемония в июне... О, простите меня, Стюарт. Вы, должно быть, сочтете меня совсем слабовольной. Я не собиралась приезжать сейчас, зная, как вы заняты, но мама фактически вытолкала меня из дома. Она даже велела мне переодеться во что-нибудь более легкомысленное.

Сара замолчала, так как Стюарт рассмеялся.

– Значит, вы не сердитесь? – нерешительно спросила она.

– Нет, если вполне естественное со стороны вашей мамы непонимание означает, что вы согласны выйти за меня замуж.

У Сары внутри все перевернулось от его слов, но она решила не обращать на это внимания. Во что бы то ни стало ей нужно было заставить его понять, что произошло.

– Мама будет ждать от нас поведения двух влюбленных. Я не знаю, понимаете ли вы...

– Конечно, она будет этого ждать так же, как и все вокруг, и я не вижу здесь проблемы. Не знаю, как вы, но я вовсе не собираюсь сообщать всем, что наш брак основан на общих целях и интересах, а не на взаимной страсти. Причины нашего брака касаются только нас, и больше никого.

– Как вы не понимаете, – беспомощно запротестовала Сара, – люди будут ждать...

– Чего? Чтобы мы вели себя как влюбленные? Думаю, ваша мама права: июнь – идеальное время для свадьбы. – Сара выглядела недоуменной и смущенной, поэтому Стюарт объяснил: – До июня менее шести недель. Чем скорее мы поженимся и устроим нашу семейную жизнь, тем быстрее люди перестанут рассматривать наши отношения как что-то необычное и копаться в них. Я не думаю, что нам будет не по силам создать, по крайней мере на шесть недель, видимость счастливой пары. Конечно, это в том случае, если вы решите, что брак со мной для вас желателен.

– Что? Да... это так... я хочу этого, – взволнованно ответила Сара.

Свадьба в июне! Так скоро... Она почувствовала нервный трепет в теле.

– Почему бы вам не остаться и не поужинать со мной? Мы тогда сможем все обговорить, – предложил Стюарт.

Сара тут же отрицательно покачала головой, но не оттого, что ей не хотелось быть с ним, – просто ситуация все еще была нова для нее. К тому же ее непослушная плоть, так настойчиво проявлявшая себя последнее время, в теперешнем ее состоянии могла подвести. Сегодня вечером это уже произошло.

– Нет-нет, я должна вернуться. – Отнекиваясь, Сара двигалась к двери.

И вдруг он показался ей странно мрачным, совсем не похожим на прежнего Стюарта. Он прошел мимо нее, открыл ей дверь, и они направились к машине.

Указав на груду древесины у двери, Сара полюбопытствовала:

- А это что такое?

- Дуб, вернее, отходы, предназначенные на выброс, а я их забрал.

- Такой же дуб, как у кухонных секций? - сообразила Сара.

- Да, - подтвердил он, не уточняя, для чего ему нужны эти отходы.

Около машины Сара замешкалась. У нее не было оснований огорчаться или чувствовать себя ненужной оттого, что он не сделал попытки дотронуться до нее или поцеловать. Но по дороге домой, как ни странно, она испытывала тоску не только из-за разочарования, но и от нехороших предчувствий. Он сказал, что в сексуальном плане они должны быть совместимы, но откуда ему это известно? От пары поцелуев? Все идет гладко, пока они спокойно обсуждают общее желание завести детей, стать родителями, но вот настанет время, когда...

Сара вздрогнула и вцепилась в руль. Поздно об этом думать. Она обречена, и пути назад нет.

Обречена. Кажется, так относились к людям, запертым в ужасных психиатрических заведениях викторианской эпохи. Обречена...

Сара снова вздрогнула. А разве она не сумасшедшая, если приняла предложение Стюарта? Состоится ли их брак? Выдержит ли он испытание временем и смогут ли они создать надежную, счастливую атмосферу для своих детей?

Несмотря на опасения, в глубине души Сара чувствовала спокойствие и уверенность. Надо только не обращать внимания на страхи, и тогда станет легко признать, что она поступила правильно.

Современные представления относительно ухаживания и брака мешали ее здравому смыслу. Считалось, что только необыкновенно сильные и страстные чувства могут стать основой брака. Ей не нужно принимать во внимание эти соображения, поскольку они ничем не аргументированы. Надо думать не о прошлом, а о будущем - о будущем со Стюартом, на которое она обречена.

Обречена... Снова это слово. Но ведь у нее такие же обязательства перед Стюартом, как и у него перед ней. Ей вдруг стало легко, а слово «обязательства» вовсе не пугало.

Обязательства. Звучит хорошо. К тому же не надо забывать, что Стюарт, как и она, познал боль безответной любви. У них столько общего, намного больше, чем было у нее с Иэном. Так что счастье зависит от них самих.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Они могли бы быть подлинно счастливы. И вскоре Сара удостоверилась в том, что эта мысль оказалась пророческой.

Она думала, что хорошо знает Стюарта, но в эти дни с удивлением обнаружила, какой он незаурядный артист и как легко и убедительно взял на себя роль человека накануне свадьбы с женщиной, в которую очень влюблен. Когда они появлялись вместе на людях, то выглядели как будущая счастливая брачная пара.

Прошел воскресный завтрак с ее семьей, включая сестру с мужем и детьми, а также визит к приходскому священнику, чтобы обговорить день свадебной церемонии. Как оказалось, Стюарт

разделял взгляд ее мамы на то, что свадьба должна состояться по всем правилам. За это ее родители еще больше полюбили его. И он совершенно покори́л отца, когда тактично предложил устроить прием в замке, поскольку там больше места, а прилегающий сад не настолько ухожен, чтобы ему можно было нанести ощутимый ущерб.

Официальной помолвки не было, так как свадьба должна была состояться очень скоро. Все знакомые теперь заявляли, что всегда чувствовали, какую идеальную пару они составят. При этих словах Стюарт искоса весело поглядывал на Сару.

То, что из него получится замечательный отец, Сара поняла, наблюдая, как он занимается с детьми ее сестры. Он был терпелив, заботлив, в нем было все, что женщина могла ожидать от спутника жизни.

И все-таки Сара боялась. Не того, что ей надо выходить за него замуж, и даже не того, что, как бы он ей ни нравился, он не сможет занять место Иэна. Удивительно, но она боялась разочаровать Стюарта. Боялась, проснувшись однажды утром, обнаружить, что он передумал или, а это еще хуже, найдет ее настолько сексуально непривлекательной, что, как утверждала Анна, ему не захочется даже дотронуться до нее. Сара молча страдала. Она знала, что, имея она достаточный сексуальный опыт, так не волновалась бы. Если бы она могла оглянуться назад и мысленно сказать себе, что помимо Иэна были другие или хоть один мужчина, то ей было бы легче. По натуре ее никогда не тянуло к сексуальным утехам. Теперь же, как бы она ни сожалела об этом, стрелки часов вспять не повернуть.

Ей двадцать девять лет, а она все еще девственница. Сару ужасало, что, когда они со Стюартом начнут жить как муж и жена, он найдет ее настолько нежеланной, что их брак расстроится. Женщина предназначена природой отвечать на сексуальные потребности мужчины, даже если у нее нет к этому большого желания, но мужчина...

Страхи одолевали ее постоянно, и единственным человеком, с кем она могла открыто и честно это обсудить, была Маргарет.

Однажды днем Сара ей позвонила.

- Сара! Как ты? Прошло всего три недели. Между прочим, представляешь, я беременна. Ты удивлена?

Маргарет беременна... Острая зависть, пронзившая Сару, утвердила ее в мысли, что она теперь обречена на брак со Стюартом. Они уже обсуждали вопрос о детях. Стюарт хотел подождать шесть месяцев, прежде чем они решатся на это. Она вдруг почувствовала настоятельную необходимость уже быть беременной. Оттого, что безумно хотела ребенка, или оттого, что это привязало бы к ней Стюарта более прочно? Сара не знала ответа.

- Сара, ты меня слышишь? - кричала в трубку Маргарет.

- Да-да. Слышу. Я просто разволновалась от твоей новости, а еще - мне жутко завидно.

Маргарет рассмеялась:

- Скоро настанет твой черед.

- Надеюсь... Маргарет, мне надо кое-что с тобой обсудить.

Тревога и напряжение, прозвучавшие в голосе Сары, заставили ее подругу перестать смеяться.

- Что случилось? Ты не передумала? Мы с Беном считаем, что Стюарт идеально тебе подходит. А если ты все еще думаешь об Иэне...

- Нет-нет, не то. Я хочу выйти замуж за Стюарта. Просто... - Сара замолкла, а потом быстро проговорила: - Вот вы с Беном... Ты ведь говорила, что не была влюблена в него. Но в сексуальном плане... - Сара замолчала, не в состоянии продолжать.

- Я понимаю, о чем ты спрашиваешь, - мягко сказала Маргарет. - До Бена у меня были другие мужчины, и, конечно, мы оба не решились бы на брак, если бы не были уверены, что сексуально подходим. Но если ты боишься, что Стюарт сексуально тебя не привлечет...

- Нет. Дело не в этом, - прервала ее Сара и выпалила, пока хватило смелости: - Я знаю, в наше время это нелепо, но у меня никого не было, и я боюсь, что... я боюсь, что разочарую Стюарта. Что я не смогу, что он не...

Наступило молчание. Затем Маргарет медленно произнесла:

- Ты ему об этом говорила? Обсудила с ним, чего ты боишься?

- Нет. Я не...

- Значит, ты должна, - твердо заключила Маргарет. Ответа от Сары не последовало, и Маргарет мягко добавила: - Ты ведь собираешься замуж, Сара. Если ты не можешь решиться сказать ему о своих опасениях, то как, скажи на милость, ты собираешься жить с ним? И, кроме того, подумай о его чувствах. Ты девственница, и он должен это знать. Если не можешь сказать, то напиши ему записку, объясни...

- А когда я ее отдам ему? - мрачно спросила Сара. - Во время свадебной церемонии? Сказать ему... а что сказать? «О, я забыла предупредить, но я девственница»? Он подумает, я ненормальная.

- Не говори глупостей, - упрекнула ее Маргарет. - Он ничего подобного не подумает. В общем, если хочешь знать мое мнение... - она вдруг замолчала. - О, черт, мне надо идти. Алан прибежал и говорит, что Поль свалился с качелей и расшиб голову. Сара, послушай меня! Скажи ему. Теперь! Сегодня же! Мне кажется, ты придаешь этому больше значения, чем он. Он ведь не Иэн, поняла? - добавила Маргарет и повесила трубку.

Сказать ему... Сказать Стюарту, что она приходит к нему с опаской и не имеет сексуального опыта. Но, как ни странно, пока она сидела, уставившись в пространство, ее вдруг осенило, что если бы ей предстоял выбор между двумя мужчинами, то она интуитивно не выбрала бы своим первым любовником Иэна.

Иэн. Странно, с каким трудом она вспоминала его лицо, а ведь совсем недавно он составлял для нее весь мир. Внутри все еще ныло от подробностей разговора с Анной, и ей казалось, что эта боль не пройдет никогда. Такие раны не заживают. Не из-за них ли она так боялась сейчас?

Маргарет убеждала ее сказать ему. Но как? На людях он превосходно играл роль любящего жениха, а наедине... Наедине он ни разу не коснулся ее, никак не дал понять, что она ему желанна, что он хочет обладать ею. А почему, собственно, он должен этого хотеть?

Но вот они поженятся и соберутся заводить детей... Сару охватила паника от одной этой мысли, она вся напряглась, ощутила боль во всем теле.

Стюарт отсутствовал целый день, доставляя заказ. Он сказал, что вернется поздно вечером.

Он был добр с ней эти три недели – время их помолвки, но держался на расстоянии, не приближаясь и тем более не наклоняясь к ней, когда она работала, как это бывало прежде, до их решения пожениться. Сару угнетало желание физической близости с ним. Она была отвратительна сама себе. Почему она стала такой? За десять лет общения с Иэном она не страдала от подобного чувства. Да, она любила Иэна, страстно хотела, чтобы он поцеловал ее, стал ее любовником, но задним числом она признавала, что это желание было основано на ложном представлении, что физическая близость между ними будет означать, что она ему не безразлична. Тогда как со Стюартом... Что касается Стюарта, то ей откровенно недоставало его прикосновений, и приходилось следить за собой, чтобы не плюхнуться ему в объятия. Она уже заметила, что когда они где-то бывали вместе, то она бессознательно льнула к нему, а когда осознавала это, то заставляла взять себя в руки. Она не была настолько наивной, чтобы не знать о возможности испытывать желание без любви, но раньше она считала, что это относится только к мужчинам, и, уж конечно, не подозревала, что когда-нибудь почувствует сама такую же острую и болезненную необходимость. Она хотела Стюарта как любовника, и от признания этого факта ее бросало в дрожь. Это сулит удачу их браку, хотя... что, если накал ее желания отворотит его, оттолкнет их друг от друга? Она попыталась представить себе обратную картину: он хочет ее, а она снисходит до него лишь из-за желания иметь детей. В этом случае не почувствовала бы она себя потрясенной, рассерженной и, в конце концов, испытывающей неприязнь от силы его страсти?

Сара встала и в беспокойстве заходила по комнате, обхватив себя руками. За последнее время она похудела – мама заметила это, когда они ездили в Ладлоу покупать ей свадебное платье. В магазине им ничего не приглянулось. Вдруг продавщица вынула платье из плотного кремового атласа, по фасону отдаленно напомиравшее эпоху Тюдоров. Ткань украшала вышивка такого же кремового цвета. Сара потрогала платье и представила, как она плавно спускается в нем по главной лестнице замка. Она тут же решила, что это платье ей подходит. К сожалению, оно нуждалось в переделке, но продавщица пообещала, что все сделают к сроку. Сара должна была приехать на примерку за неделю до свадьбы. Мама решительно взялась за усиленное питание дочери, так как нельзя было допустить, чтобы она еще больше похудела – в таком случае платье будет плохо на ней сидеть.

Напряжение сказывалось на них обоих. Иногда Сара замечала, что Стюарт задумчиво наблюдает за ней. Ей хотелось спросить, мучают ли его сомнения, но она боялась. А вдруг он скажет – да? Она говорила себе, что будет лучше, если он заранее попросит освободить его от их соглашения – ведь он имел полное право передумать, но подобная мысль причиняла Саре боль. Неужели насмешки Анны настолько ее травмировали, что теперь она ожидала и боялась любого отказа и превратилась в запуганную и неуверенную в себе женщину?

В висках стучало, ее подташнивало. Сара уставилась на дисплей, но не могла сосредоточиться. Она плохо спала по ночам. Было много работы не только с документами, но и в замке, в связи с предстоящей свадьбой, так как Стюарт считал, что если дом вполне подходил для холостяка, то ей, как женщине, требовался уют и комфорт.

Она пыталась было противиться этому, сказав, что не стоит так основательно все переделывать, но он настаивал на своем, и в течение последних трех недель в доме не стихал стук: рабочие штукатурили гостиную и заново отделывали ее; то же происходило в большей, обшитой деревянными панелями комнате – хозяйской спальне, а также в примыкающей ванной. Первоначально эти две соседние комнаты были «его» и «ее» спальнями. Саре хотелось спросить Стюарта, не намерен ли он при сложившихся обстоятельствах использовать их так же, как и прежде. Сегодня рабочие ушли раньше, так как штукатурка должна была высохнуть

перед покраской.

Она провела несколько вечеров, углубившись в различные книги и каталоги, ища иллюстрации интерьеров времен постройки замка, чтобы сориентироваться, какой мебелью обставить заново отремонтированные комнаты.

Она уже с сожалением сообщила Стюарту, что спальня с прекрасными деревянными панелями и огромным камином требует большой деревянной кровати с матрасом на столбиках, но стоимость таких кроватей в каталогах доходит до тысяч, а не сотен фунтов стерлингов, и это не считая массивных занавесок из дамаста и старинных вышитых шерстью покрывал, дорогих турецких ковров и соответствующей мебели.

Как бы она ни любила замок и ни стремилась жить в нем, Саре пришлось признать, что все было бы значительно проще, если бы нужно было обставлять современный, удобных размеров дом.

Стюарт предупредил ее не подниматься в верхние комнаты, пока там орудуют рабочие, так как может обвалиться поврежденная штукатурка, и Сара последовала его совету.

В висках стучало все сильнее. У нее еще оставалась недоделанная работа, но от полуденного солнца, бившего в окно, она чувствовала головокружение и тошноту. Наверное, ей следовало поехать домой, принять лекарство, и тогда головная боль, возможно, прошла бы и она смогла бы вернуться вечером, когда солнце светило не так ярко.

Недовольная собственной слабостью, вздохнув, Сара встала и собрала свои вещи.

К счастью, родителей дома не оказалось, и она, приняв пару таблеток, поднялась прямо к себе и легла в постель. Как бы она их ни любила, но именно сейчас ей совершенно не хотелось никого видеть и тем более обсуждать свадьбу.

Проснувшись, Сара по прохладе в комнате поняла, что проспала несколько часов. Осторожно качнув головой, она с облегчением почувствовала, что головная боль прошла. Она встала, быстро приняла душ, переделалась в свежее белье, старые джинсы и плотный хлопчатобумажный свитер с пастельным рисунком на белом фоне, который сестра подарила ей прошлым летом на день рождения, и спустилась вниз. Родители смотрели телевизор, мама хотела встать, но Сара остановила ее, извинившись:

- Прости, что я опоздала к ужину. У меня ужасно разболелась голова, поэтому я приехала домой пораньше и сразу легла в постель. Но я должна вернуться - у меня еще осталась незаконченная работа.

- Сначала я приготовлю тебе что-нибудь поесть. - Мама сделала движение, чтобы встать, но Сара отрицательно покачала головой.

- Нет-нет, не вставай. Я сама приготовлю чай и что-нибудь быстренько перекусить. Уже девятый час, а мне надо поработать по крайней мере еще пару часов.

- Ты дождешься возвращения Стюарта? - спросила мама.

- Наверное, хотя он сказал, что задержится допоздна.

В глубине души Сара знала, что Маргарет была права, побуждая ее поговорить со Стюартом о своих опасениях. Разговор с подругой выдвинул на первый план то, о чем она раньше не

подумала: если Стюарт почувствует, что она недостаточно откровенна с ним, то это может повредить их браку.

Когда она подъехала к замку, было темно. Охранное освещение включилось, как только она остановила машину. Сара вышла, отперла входную дверь ключами, которые дал ей Стюарт, и прошла в кабинет.

Только она уселась там и включила компьютер, как ей послышался шум, доносящийся сверху. Сара замерла, выключила компьютер и стала прислушиваться, но было тихо. Решив, что ей померещилось, она хотела снова включить компьютер и начать работать, но потом решила, что лучше подняться наверх и проверить. К тому же теперь, когда рабочие закончили свои дела, вполне безопасно заглянуть в комнаты, где они работали.

Сознавая, что послышавшийся ей шум – это всего лишь отговорка, чтобы удовлетворить свое любопытство, она направилась к лестнице. Поднимаясь наверх, Сара решила, что это обычное потрескивание, которое бывает в домах по ночам. Теперь она ничего не слышала.

Она вспомнила кислое замечание Стюарта о том, что покрыть все коврами будет стоить целое состояние. Сара поднялась по лестнице, быстро прошла по просторной галерее, двери из которой вели в основные спальни. Галерея выходила в сад, обрамлявший замок со всех сторон. Маленькие окошки галереи со свинцовыми переплетами и толстым стеклом кое-где покосились от ветхости. Под окнами находились выступы, где дамы, устав от прогулок по галерее, могли посидеть и полюбоваться на сад внизу. Пол был сделан из настоящего дуба; пыльный от хождений взад и вперед рабочих, когда-то он был натерт. Сара улыбнулась – она уже видит себя хозяйкой замка и прекрасно понимает, каких затрат и сколько времени потребует такой дом. Она представила, с какой тревогой будет смотреть на урон, наносимый паркетному полу трехколесным велосипедом, на котором здесь будет раскатывать в дождливый день их ребенок. С улыбкой она открыла дверь в главную спальню.

- Сара...

Она замерла на пороге, услышав свое имя. Стюарт в изумлении смотрел на нее, стоя на коленях перед дубовой кроватью с балдахином и прекрасной резьбой. Он тщательно натирал резьбу воском.

- О, Стюарт! Я не знала... Я думала, ты еще не пришел. Я работала внизу и услышала шум.

Чувствуя себя виноватой и от неожиданности она говорила бессвязно.

- Мне удалось вернуться раньше, чем я рассчитывал.

- Но я не увидела «лендровера».

- Там неполадки с бензонасосом, поэтому я оставил его в гараже, а меня подвезли. Ты вернулась, чтобы поработать? – Он нахмурился.

- Да. Я сегодня ушла рано из-за головной боли, но мне надо кое-что закончить.

- Значит, нас двое таких, – заметил он, вставая и потягиваясь.

Она беспомощно смотрела на него, видела, как поигрывают его мускулы и как плотно мягкая ткань поношенной джинсовой рубашки обтягивает его фигуру. У нее заныло под ложечкой, тело пронзила дрожь, а от нахлынувшего желания закружилась голова.

- Такая красивая кровать, - хриплым голосом сказала Сара, - но они очень дорого стоят...

- Эта - нет, - мягко ответил он. - По крайней мере что касается денег. Хотя за последние три недели были моменты, когда я спрашивал себя, не слишком ли я замахнулся. Обычно это происходило где-то около часа ночи.

Он произнес эти слова так безразлично, что она не сразу поняла, что он имеет в виду.

- Ты... сам ее сделал? - с трепетом воскликнула Сара. - Но как?

- Помнишь древесину, которая лежала во дворе?

Она кивнула.

- Но резьба... она такая замысловатая...

Сара подошла поближе и, не удержавшись, погладила одну из филенок. У основания и на передней спинке кровати Стюарт вырезал узор из деревьев и цветов, а на верхушке балдахина - традиционный рельеф.

- Стюарт, это так красиво! - восхищенно произнесла она.

- Ты не должна была пока это видеть, - сухо сказал он. - Это - мой свадебный подарок тебе.

- Ты сделал все это для меня?

Она смотрела на него, боясь, что вот-вот заплачет от избытка чувств. Слезы уже застилали ей взор, она хотела отвернуться, но не успела.

Стюарт подошел к ней и отрывисто воскликнул:

- Сара, что такое? Что произошло? Ты ведь не передумала?

Она покачала головой.

- Нет, я не из-за этого...

- Но что-то ведь случилось, - настаивал он.

- Ничего. - Она отрицательно качала головой. - Просто...

Она протянула руку к кровати - она была высокой, и на ней лежало два толстых матраца. Сара подумала, что на них будешь чувствовать себя изолированной, как на острове.

- Так что же? - продолжал настаивать Стюарт.

Он стоял совсем рядом, так близко, что когда она повернула голову, то почувствовала тепло его дыхания у себя на лице.

- Так что тебя беспокоит, Сара? - вновь спросил он, и его рука легла на матрац рядом с ее.

Взгляд Сары упал на их руки, такие разные... Его крепкая, загорелая, с коротко и аккуратно подрезанными ногтями, и ее - ногти без лака, рука тоньше, бледнее, но такая женственная и хрупкая, чего она раньше и не замечала. Конечно, ее руки совсем не походили на руки Анны, с

длинными, изысканной формы ногтями, так же как руки Стюарта отличались от рук Иэна, всегда с безукоризненным маникюром. Иэн любил показуху... иногда бывал даже женоподобен.

- Ты боишься, что, когда ты станешь спать на этой кровати со мной, это окажется слабой заменой тому, как было с ним? Потому что...

- Нет-нет. Совсем не то, - отчаянно затрясла головой Сара и вдруг выпалила: - Между мной и Иэном ничего такого не было. И вообще... - она замолкла, а потом, словно боясь, что передумает, досказала, и это прозвучало одновременно мучительно и вызывающе, - вообще, ничего подобного у меня не было... ни с кем.

Она не осмеливалась взглянуть на него. Глаза наполнились слезами, она попыталась сморгнуть их и уставилась на кровать. Поглядев на себя словно бы со стороны, Сара увидела жалкое, дрожащее существо.

Она почувствовала, как рука Стюарта гладит ее по голове. Его прикосновение успокаивало, утешало, снимало напряжение, но горло все еще сжималось от подавляемых рыданий. Его рука соскользнула к щеке, он взял ее за подбородок и повернул лицом к себе. Но она не могла заставить себя взглянуть на него.

- И ты боишься, - нежно произнес Стюарт, кивнув в сторону кровати, - боишься всего того, что это олицетворяет, потому что это незнакомо тебе, непривычно.

Его голос звучал так спокойно и с таким пониманием, что Сара кивнула головой и перевела дух:

- Да.

Господи, она ведет себя как полная идиотка. А он еще хочет жениться на ней.

Стюарт так долго молчал, что ее снова начал бить озноб. Он все еще держал в ладони ее подбородок и почти рассеянно поглаживал щеку большим пальцем.

Потом мягко сказал:

- В этом нет ничего страшного. Обещаю тебе, все будет хорошо.

Она хотела объяснить, что она не его боится и даже не близости с ним. Она боится разочаровать его, боится быть отвергнутой как неподходящая женщина, не способная удовлетворить его в браке. Но, прежде чем она набралась смелости объяснить это, он, опередив ее, медленно произнес:

- Я сейчас тебе это покажу.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Покажет ей.

Вскинув голову, Сара взглянула на Стюарта широко раскрытыми от смущения и неожиданности глазами. От этого резкого движения его палец плотно прижался к уголку ее рта. То ли от прикосновения, то ли от общего потрясения, но она приоткрыла рот и нервно облизала губы кончиком языка.

Он наклонил голову, и она почувствовала, что он сейчас ее поцелует. Его твердый взгляд дурманил ее, и она перевела глаза на его рот, но это оказалось еще хуже, так как сердце начало колотиться в бешеном ритме. Она пробормотала что-то в знак протеста, но не сделала ни малейшей попытки отстраниться, когда он обнял ее.

Он целовал ее раньше, и она могла догадаться, чего можно ожидать. Но почему-то на этот раз поцелуй подействовал на нее сильнее, был более чувственный. Она беспомощно приоткрыла рот и сама потянулась к его влажным и теплым губам.

Он что-то произнес, а она лишь вся затрепетала, ничего не соображая в порыве чувств, охвативших ее.

Руки Стюарта гладили Сару по спине, обнимали за талию, притянули к себе так крепко, что она грудью прижалась к нему. Волна его тепла захтестнула ее, и Сара почувствовала, что у нее дрожат колени. Она слегка застонала, и тут же поцелуй сделался мягче, словно ее зов к нему нашел отклик.

Его руки шаловливо играли с ее волосами, гладили их, и она замерла от непередаваемо приятных ощущений. Стюарт, не отрывая губ, произнес ее имя, и это прозвучало как требование. Сара вздрогнула.

Теперь он слегка покусывал ее губы и нежными круговыми движениями водил пальцами по голове, расслабляя и успокаивая ее.

Он стал осторожно отстраняться, а ей хотелось сказать ему, что ей необходимо тепло и мощь его тела. Выговорить эти слова было выше ее сил, поэтому она молча прильнула к нему, вцепившись пальцами в твердые мускулы его плеч и глядя на него широко открытыми, изумленными глазами. Губы ощущали приятную боль от его поцелуя.

Стюарт убрал руку с ее головы и, изогнувшись, слегка отстранился. Она отпрянула при этом назад, а он, увидев боль в ее глазах, тоже с болью в голосе произнес:

- Сара... не надо...

У нее задрожали губы. Стюарт издал звук, похожий на стон, и дотронулся рукой до ее лица, осторожно поглаживая большим пальцем набухшую нижнюю губу. Сару бросило в такой жар, что в потрясении она громко вскрикнула. Губы ее разомкнулись, и палец Стюарта соскользнул в теплую, влажную полость ее рта. Инстинктивно она дотронулась до него кончиком языка. Кожа у него на пальце была шершавая и немного соленая. Она снова лизнула его, удивляясь, до чего это приятно. С закрытыми глазами и постанывая от удовольствия, она стала сосать его палец и не могла оторваться, пока Стюарт, передернувшись, не убрал его. При звуке своего имени Сара наконец сообразила, что делает, и беспомощно уставилась на Стюарта, покраснев от стыда. Он держал в ладонях ее лицо, и его большой палец оставил влажный след у нее на коже.

Более мягким голосом он произнес:

- Ты хоть представляешь себе, что со мной делаешь? Как волнуешь, возбуждаешь меня?

Сара молчала.

- Ты не веришь мне? Посмотри.

Он расстегнул пуговицы рубашки и вытащил ее из джинсов. Она увидела загорелый, мускулистый торс, треугольник мягких темных волос на груди исчезал за поясом брюк.

У Сары пересохло в горле, а сердце бешено запрыгало. Но она не почувствовала страха, когда он взял ее руку и положил себе на грудь около сердца. Услышав отчаянный стук, она подняла глаза и увидела странный румянец у него на лице; глаза потемнели и блестели. Ее же собственная реакция была такой, словно он касался ее. Она ощутила, что грудь под свитером налилась и болела. Ей было стыдно, и она отвернулась от него. Он прерывисто дышал, мускулы на шее напряглись, а кожа стала слегка влажной. Ей захотелось лизнуть его кожу, чтобы убедиться, такая ли она соленая, как большой палец. У нее перехватило дыхание. Она не могла оторвать взгляд и не смотреть, как поднимается и опускается у него грудь.

А он так же возбужден от мысли, что до него могут дотронуться и будут ласкать? Жаждет ли он ее рук, губ так же, как она?

- Вот видишь? - услышала она его резкий голос.

Он поднес ее руку ко рту, поглаживая большим пальцем запястье, и, прежде чем она поняла, что он сейчас сделает, он стал медленно посасывать каждый палец ее руки, причиняя ей сладкую муку.

Сердце у нее упало, и ее бросило в жар. Ей казалось, что она вся горит от изощренной муки желания, которое пронизало все поры ее существа. В какое-то мгновение ей показалось, что она сейчас потеряет сознание, и Стюарт это тоже почувствовал, потому что в следующий миг подхватил ее на руки и, крепко прижав к себе, стал слегка покачивать, как бы успокаивая то волнение, которое сам и вызвал.

Сару так трясло, что она боялась упасть, если он отпустит ее. Но он и не собирался этого делать. Она ощутила твердые, приятные прикосновения его рук у себя на теле под свитером.

- Я должен сейчас же остановиться, иначе я за себя не ручаюсь, - пробормотал Стюарт ей в ухо. - Но не знаю, смогу ли я.

Он вздохнул, а она подумала с болью, сознает ли он, что ей совсем не хочется, чтобы он останавливался.

- Ты знаешь, чего мне сейчас хочется? - прошептал Стюарт. - Я хочу раздеть тебя, лечь рядом с тобой, чтобы наши тела прижались, и ласкать тебя. Я хочу целовать тебя, держать тебя в объятиях, гладить тебя и овладеть тобой. Я хочу этого так сильно, как никогда раньше.

Конечно, это не было правдой и не могло быть правдой, подумала Сара. Он любил другую, и она это знала. Но слова подействовали, словно волшебный бальзам, леча раны, нанесенные Анной.

Она ничего не сказала и не сделала в ответ на его слова, но, вероятно, что-то произошло, какой-то неуловимый посыл от ее тела к нему, потому что теперь он целовал ее уже не так нежно, как раньше, и движения его стали более требовательными и чувственными. Руки ласкали ее кожу под свитером. Он на секунду замешкался, дотронувшись до бюстгалтера, потом расстегнул его, и тонкий шелк соскользнул вниз. А когда шершавый свитер стал тереться о ее напрягшиеся соски, то Сара почти закричала от возбуждения и желания нежных прикосновений Стюарта к ее груди и его поцелуев.

От шквала нахлынувших ощущений ее била дрожь, и она вскрикнула. Стюарт перестал ее

целовать и еле слышно пробормотал:

- Тихо... все хорошо, все в порядке.

Но у Сары внутри болело и жгло от страстного желания дотронуться до его кожи.

Она и не представляла, что может так сильно хотеть гладить и ласкать его тело.

Она попыталась сказать ему, чтобы он остановился, прежде чем она поставит в неловкое положение его и опозорится сама, но кроме слов «Я хочу...» ничего не вышло. А он тем временем снял с нее свитер и джинсы и, прижав к себе, целовал так осторожно и нежно, что она забыла все, кроме своего желания ответить ему тем же.

Он отступил назад, чтобы снять одежду с себя, а она вынуждена была присесть на край кровати, от сильной дрожи почти не сознавая, что происходит. Ведь Стюарт на самом деле занимался с ней любовью... хотел и жаждал ее.

От неловкости и смущения она снова вздрогнула, и Стюарт тотчас опустился перед ней на колени. Его обнаженное, стройное и крепкое тело с узкими бедрами и плотными мышцами ягодиц резко контрастировало с ее нежными формами.

Он коснулся ее колена, желая этим жестом подбодрить и успокоить ее.

- Все хорошо, - тихо сказал Стюарт. - И все будет нормально. Я обещаю, что, если ты захочешь, чтобы я прекратил это, я остановлюсь.

Если она захочет... Что бы он сказал, услышав от нее, что именно этого она и не хочет? Сара нагнула голову, и упавшие пряди волос скрыли от него выражение ее лица.

Голова Стюарта оказалась около ее груди. Набухшие и упругие груди бесстыдно требовали его прикосновений. Он осторожно накрыл ладонями их шелковистую поверхность.

- Как будто трогаешь атлас, - хрипло произнес он. - Самый дорогой и красивый на свете.

Большим пальцем он погладил сосок, и это причинило Саре такую боль желания, что она не удержалась от стона. Он тут же притянул ее к себе и стал ласково касаться нежными поцелуями ее груди. Сара же ощущала, что ее плоть требует не нежности, а чего-то большего... Когда его губы сомкнулись вокруг ее соска и стали его посасывать, она застонала. Выгнув спину и запрокинув голову, Сара вонзилась пальцами ему в плечи и шею, а ее тело пульсировало от удовольствия. Он зубами прикусил ее сосок, и она вздрогнула. Стюарт тут же отпустил ее и извинился. С потемневшим от неизведанных чувств и возбуждения взором она отрывисто сказала:

- Нет... не от этого... это не от боли.

Она запинаясь от смущения. Ее бросило сначала в жар, а потом в холод. Но Стюарт не понял испытываемого ею стыда от того, что она ведет себя как ненасытная распутница. Наоборот, он спрятал лицо у нее между грудями и так крепко прижался, что Сара едва не задохнулась. Чужим, резким и хриплым, голосом он произнес:

- Ты знаешь, что ты - совершенство? Совершенство! Я не могу поверить в свое счастье, в то, что обрел тебя, Сара...

Услышав нетерпение в его голосе, она затрепетала. Когда рука Стюарта начала ласкать ее другую грудь, Сара уже не стала бороться с охватившими ее ощущениями. Их сила слишком ошеломила ее, и она не сообразила, что именно ее бессвязные слова побудили его прильнуть к ее мягкой и нежной груди и доставить ей такое захватывающее наслаждение, что она вскрикнула и потянулась к нему.

Ощущение его горячих, влажных губ у нее на коже было настолько возбуждающим, что ее тело начало пульсировать и гореть в тех местах, где он касался ее рта, и она забыла обо всем.

Вместе с ней он лег на кровать. Она почувствовала, как под их тяжестью опустился матрац. Затем ощутила его ласкающую руку у себя на бедре, мягкое прикосновение его волос к ее животу. Он затаил дыхание, почувствовав, что она дрожит. Сара кожей ощутила его дыхание, и это настолько ее возбудило, что она, полная страстного желания, изогнулась в его руках.

- Ты словно бархатная, - услышала она глухой и невнятный голос Стюарта. - Атласная и бархатная, такая нежная и теплая.

Сара вдруг напряглась - ее охватил ужас, так как она поняла, что та непреодолимая тяга, от которой ее одновременно бросало в болезненную дрожь и расслабляло до опьяняющего восторга, происходила оттого, что он нежно касался языком самых интимных частей ее тела.

Разум говорил ей, что это кошмар и безумие - и не только потому, что он это делает, а и потому, что она реагирует так бесстыдно.

Но оказалось, что ее тело выше страхов и опасений, и она погрузилась в томный чувственный восторг наслаждения, которое он дарил ей своими интимными ласками.

Сара интуитивно чувствовала, что тоже должна ответить подобным подарком. Она уже контролировала свои действия, и, когда стала тереться своим телом о его, Стюарт застонал и почти грубо сжал зубы у нее на бедре. Подтянув ее к себе, он хрипло произнес:

- Я схожу с ума от твоей чувственности. Господи, как ты могла вообразить, что можешь не вызывать влечения? Ты самая желанная из женщин, каких я когда-либо знал.

Он сжал ладонями ее лицо и неистово целовал. Она чувствовала крепость и жар его тела, его ритмичные, эротические движения.

- Сара, я не хотел заходить так далеко. Я должен прекратить это. Я должен...

Она заставила его замолчать, прикусив его нижнюю губу. Обхватив Стюарта руками, она без стеснения приняла его в свои объятия и почувствовала, как дрожь пробежала и по его телу - он не стал противиться искушению обладать ее жаждущим телом.

Сара извивалась на кровати, стонала как безумная, ощущая движения его языка у себя во рту.

Ее тело и душа хотели более сильных, глубоких, интимных соприкосновений с его плотью. Когда наконец она почувствовала тяжесть его пылающего от жара тела на себе и это произошло, то она неистово вскрикнула от свершения того, в чем она так нуждалась. Он осторожно сдерживал свои движения, она же изогнулась под ним, впившись ногтями ему в спину. Она совершенно ошеломила его накалом желания, и он вскричал, что боится причинить ей боль и уже не может управлять собой.

Сара достаточно много читала и слышала о том, какие ощущения можно при этом испытывать.

Но глубина и сила свершившегося настолько потрясли ее, что она вскрикнула, находясь почти в благоговейном страхе, дрожа и чувствуя, что не может пошевелиться, словно ее существо неподвластно ей. К своему ужасу, Сара обнаружила, что плачет, вернее, слезы просто произвольно текут у нее из глаз. Она этого и не заметила бы, если бы Стюарт не стал осторожно слизывать слезинки. Он держал ее в своих объятиях, успокаивая и шепча слова благодарности. От этого Сара вдруг почувствовала себя несчастной – ведь ему все происшедшее было знакомо, это только она ощутила себя обновленной, свежей, сильной и, когда они слились воедино, бессмертной. Теперь, уставшая от удовлетворенной страсти, Сара почувствовала неловкость, неуверенность, стыд от своей распушенности. Она хотела отстраниться от Стюарта, но он держал ее слишком крепко. На нее напала апатия, физическое и душевное изнеможение – такого она не чувствовала раньше никогда. Ее неодолимо потянуло ко сну. Она пыталась сопротивляться, силой заставить себя бодрствовать, но не смогла. Последнее, что она увидела, погружаясь в сон, – это лицо Стюарта перед собой. Он целовал ее, но не страстно и жадно, а нежно. Из множества разнообразных чувств, переполнявших ее взбудораженную душу, она отметила ощущение тепла, удовольствия, близости и полного понимания со Стюартом. Все эти ощущения определялись одним завлекающим словом, которого надо было опасаться. Это слово было «любовь».

Но Стюарт не любил ее, он любил другую. Стюарт...

Она глубоко вздохнула и провалилась в сон.

Сару разбудило утреннее солнце, его косые лучи упали на кровать. Она ощутила тепло на веках и сонно и вяло потянулась – сон все еще не отпускал ее. Наконец она открыла глаза и поняла, где находится. Она села, охваченная ужасом, и уставилась в окно, соображая, что это не окно ее спальни, а окно спальни Стюарта. Скоро это будет их общая спальня. Она не могла этому поверить, и у нее пересохло в горле от охватившей ее паники. Должно быть, она спала долго и глубоко, потому что была завернута, как мумия, в стеганое одеяло. На кровати лежала только одна подушка, и на ней виднелось углубление только от одной головы – ее собственной. Это означало, что либо Стюарт проявил душевную тонкость и заботливость, сообразив, как неловко, неуверенно и смущенно она почувствует себя, проснувшись и увидев его рядом, либо он просто не захотел остаться с ней. Эта мысль вызвала дрожь.

Кто-то, а, кроме Стюарта, сделать это было некому, аккуратно сложил на стуле ее одежду. На столе около кровати она обнаружила фляжку с приложенной к ней запиской. Она схватила ее и прочла следующее: «Кофе во фляжке. Я позвонил твоей маме вчера вечером и сказал, что мы за ужином выпили бутылку вина и решили, что неразумно ехать на машине, поэтому ты переночуешь здесь».

Больше в записке ничего не было, ни слова любви, ни упоминания о том, что произошло ночью. Но по крайней мере он побеспокоился сообщить родителям, хотя вполне мог бы разбудить ее и отправить домой...

И если бы он так поступил, она почувствовала бы себя отвергнутой, а это было бы нестерпимо больно.

Знал ли он об этом? Догадался ли? О чем ему было догадываться? Он понял, что она обладала разрушительной способностью потерять самоконтроль и так отдаться желанию и страсти... Сара покраснела, вспомнив прошедшую ночь. Ее тело, наоборот, не испытывало никаких неудобств, общепринятых в таких случаях. Но ощущало оно себя по-другому: томным, зрелым, словно против ее воли и несмотря на потрясение от собственного бесстыдства оно тайно

впитало в себя чувственные воспоминания о прошлой ночи и сознавало, что в конце концов оно представляет собой такой же прекрасно настроенный и восприимчивый инструмент, как у других, включая Анну. Она была способна возбуждать и вызывать желание.

Какие бы опасения ни сулил ей брак со Стюартом, сексуальная несовместимость больше ее не страшила.

Значит, именно поэтому он сделал это? Возможно, она не так поняла его ответное чувство. Или это была специальная уловка, чтобы успокоить ее? Может ли мужчина так притворяться?

Все еще дрожа, Сара вылезла из-под пухового одеяла, понимая, что не следует искать изъяны и сомневаться. Если уж ей так необходимо поразмыслить о случившемся, то гораздо лучше подумать о том, в чем нет сомнения и вопросов, – о собственном наслаждении.

Она открыла дверь в ванную. Маленькая комната была отделана панелями в тон спальне. Белоснежное современное оборудование заменило безвкусную сантехнику, которая была здесь раньше. Пол покрывали плетеные коврики. В ванной стоял свежий, слегка терпкий запах краски.

Сара закрыла глаза и представила себе, как прошлой ночью она вдыхала запах кожи Стюарта, как она гладила и целовала ее, дотрагиваясь языком, наслаждаясь ее теплом и вкусом.

Ей стало жарко, и где-то внутри заныло. Она решила не обращать на это внимания и встала под душ, стараясь не вздрагивать от ледяной струи.

Спустя полчаса она была уже в кабинете за работой.

Завтракать ей не хотелось. Она позвонила родителям и поговорила с мамой, которая не нашла ничего особенного в том, что Сара провела ночь у Стюарта дома.

– Я как раз уйду, – сказала мама. – Мне надо договориться с Гвенем Робертсом и проверить цветы для церкви.

Сара повесила трубку. Дом был весь в ее распоряжении. Прежде чем спуститься вниз, она осмотрела кровать, осторожно ощупывая резьбу. Свадебный подарок ей. Такой подарок мужчина делает только любимой женщине. Она горько улыбнулась. Любовь чувствовалась в мастерстве исполнения, но это не было любовью к ней, скорее, это могла быть... любовь к дому. Кровать – подарок не столько ей, сколько замку. Ей не хотелось даже в мыслях представить себе, что бы она ощущала, если бы Стюарт действительно испытывал к ней такую глубокую любовь, неотвратимую по своей силе.

Она заставила себя не плакать. В конце концов, из-за чего плакать? Она выходит замуж за человека, с которым наверняка проживет благополучную и спокойную жизнь; она знает его достаточно хорошо, чтобы понимать, каким верным и заботливым мужем он станет, как будет любить их детей и разделять с ней свои жизненные планы. Будет ли он... любить ее? Едва ли. Но почему она должна этого хотеть?

Сара застыла на месте, услышав шум подъезжавшей машины. Она устремилась на кухню, решив, что это Стюарт. Она снова закусила нижнюю губу – ее смущало, что он вдруг будет не очень-то доволен, застав ее на кухне.

Кухонная дверь распахнулась, и совершенно неожиданный, но очень знакомый мужской голос позвал Сару, и этот голос не принадлежал Стюарту.

Сара обернулась, не веря своим ушам и прижав руку к горлу. Весь ее вид выражал потрясение.

- Иэн...

- Значит, ты меня не забыла?

Все было при нем: самонадеянность и самоуверенность, тщеславие и самовлюбленность. Когда он шел ей навстречу, она могла только дивиться тому, что не замечала всего этого раньше, а просто принимала его таким, каким он был, покорно и с обожанием.

Теперь все изменилось, и пелена упала у нее с глаз, словно она стала совершенно другим человеком; и если раньше она со всем этим уживалась, то теперь почувствовала... отвращение и раздражение.

- Бедняжка моя. Как ты, должно быть, настрадалась. Но теперь все кончено. Я понял свою ошибку, и вот я, униженный, здесь. Хотя признай, что Анна была соблазнительная и заманчивая штучка. Неудивительно, что я был ослеплен ею. Но теперь все позади.

Он прошел вслед за ней в кабинет, и она сморщилась от неприятного сильного запаха его лосьона, распространившегося в небольшой комнате. К тому же, с неприязнью отметила Сара, он стоял слишком близко от нее, что было не только невежливо, но и намекало на якобы существующую между ними близость.

Она тотчас отодвинулась от него и пожалела, что, когда Иэн пошел за ней, не оставила открытой дверь.

Когда он приблизился к Саре, то ей пришлось напомнить себе, что это Иэн... Иэн, которого она любила почти всю сознательную жизнь. Иэн, который... с презрением отверг ее, использовал ее, если не в сексуальном отношении, то в плане ее чувств и умственных способностей, даже если он и делал это с ее молчаливого согласия. Другой мужчина, зная, что не может ответить на ее любовь, решительно порвал бы их отношения, как только догадался бы о ее чувствах. Такой мужчина, как... Стюарт, например. Она с трудом продохнула, смущенная и потрясенная от своих мыслей. Ей следовало бы быть вне себя от радости и счастья – Иэн здесь и хочет ее... Иэн говорит, что между ним и Анной все кончено, что он приехал увезти ее немедленно в Лондон...

Сара глубоко вздохнула и прервала поток его самоуверенной, насмешливой и уже не имеющей смысла речи.

- Иэн, я не могу вернуться с тобой в Лондон. Я выхожу замуж.

- Замуж? – Он насмешливо поднял бровь. – О да, твой отец что-то такое говорил. О том, что ты собираешься замуж за какого-то сельского жителя. Но, моя дорогая, как на самом деле ты представляешь свою жизнь здесь? Ты горожанка, так же как и я. Мы с тобой...

- Нет, – нетвердо ответила Сара. – Я совсем не похожа на тебя, Иэн.

Он взглянул на нее с досадой, раздраженный тем, что она не поддается его обаянию и отказывается от его предложения. Сара цинично спросила себя, отчего это она ему понадобилась – утешить его персону или навести порядок в конторе?

- Что ж, значит, я ошибся. – Теперь его голос звучал уже не мягко и пленительно, а, наоборот, резко, жестко и раздраженно.

Саре стало почему-то немного стыдно. Ей не хотелось не только слушать Иэна, но даже видеть его здесь.

Ей больше всего захотелось... закрыть глаза, а открыв, увидеть, что Иэн ушел, а на его месте стоит Стюарт. Эта мысль повергла ее в ужас. Как это может быть, что она хочет Стюарта и нуждается в нем, предпочитает его Иэну?

- Хорошо, Сара, - с раздражением сказал Иэн. - Я вижу, ты хочешь унижить меня. Я не виню тебя за это, хотя можно было предположить, что ты выше этого. Ты лучше других знаешь, как я раним, как мне необходимо...

- ...чтобы ублажали твое «я», - сухо договорила она.

Сара увидела, как изменился взгляд его голубых глаз - они сделались холодными и безжалостными.

- Анна была права, - ядовито произнес он. - Ты холодное, бесполое создание. Женщиной ты, по существу, не являешься. Ты говоришь, что выходишь замуж? Интересно, почему? Ты ведь не любишь его.

- А почему нет? Только оттого, что однажды имела глупость полюбить тебя? С этим покончено, Иэн. Я думаю, это произошло в тот день, когда Анна сказала мне, что ты знаешь о моих чувствах к тебе. Я поняла тогда, что любила не мужчину, а мираж. Стюарт стоит сотни таких, как ты.

- И ты его любишь? Ты лжешь, Сара. Я знаю тебя, твой тип женщин. Ты любишь меня. Ты всегда любила и всегда будешь любить...

- Нет, - горячо прервала его Сара. - Я не люблю тебя, Иэн.

- Да нет, любишь, и в брачную ночь, лежа, холодная и безответная, около своего фермера, будешь хотеть только меня...

- Нет, - снова повторила она и, подняв голову, произнесла то, что никогда в жизни не представляла себе способной сказать кому-нибудь, тем более Иэну: - Ты ошибаешься, Иэн, и я скажу, почему я знаю, что ты ошибаешься. Прошлой ночью мы со Стюартом стали любовниками. Я очень боялась, как ничего прежде в своей жизни. И знаешь, почему я боялась? Из-за тебя. Не потому, что когда-то любила тебя, а оттого, что ты обидел меня, издевался надо мной, позволил Анне жестоко оскорбить меня. Я боялась, что она права и я не способна вызвать желание у мужчины. Но когда Стюарт дотронулся до меня... показал мне... - Сара глубоко вздохнула и продолжила дрожащим голосом: - Стюарт подарил мне такую радость, какую я и не представляла себе, а он отдал мне это счастье щедро и от души.

Слезы выступили у нее на глазах, и она смахнула их тыльной стороной ладони.

- И из-за этого... даже если я не люблю его, а все еще люблю тебя - а это не так, - я останусь с ним, выйду за него замуж, потому что, Иэн, когда дело дошло до близости, Стюарт показал, что он самая цельная, совершенная натура из всех, кого я когда-либо знала. Рядом с ним ты просто безвкусная подделка, а не мужчина.

- О Боже, так ты его действительно любишь? И после всего-то одной ночи? Он, должно быть, хорош. Вот что я скажу тебе, старушка: на твоем месте я бы не очень уповал на то, что он настолько неотразим. Если он так сексуально одержим, то подумай хорошенько, сколько

времени он будет довольствоваться только тобой? Он может жениться на тебе, но, держу пари, будет тебе изменять. Ты уверена, что еще не передумала?

Сара повернулась к нему спиной.

- Нет, Иэн, я не передумала.

Она не сдвинулась с места, пока не услышала, как отъезжает его машина. От напряжения она была не в состоянии пошевелиться.

Ее трясло, она чувствовала тошноту, сильное сердцебиение и слабость, но одновременно она ощутила себя сильной.

Она любила Стюарта. Ее удивило, что, только произнеся эти слова, она это осознала. Вероятно, ее внутренняя суть знала это и прошлой ночью, и до того, но скрывала. Дрожь усилилась. Конечно, она не может выйти замуж за Стюарта. Это будет нечестно для них обоих. Ее и так достаточно сильно беспокоило, что она испытывает к нему больше желания, чем он к ней. Но теперь, когда она знает правду...

Она кусала нижнюю губу. Как ей сказать ему, убедить его? И вдруг ее осенило, что приезд Иэна - прекрасное оправдание.

Стюарту не к чему знать правду, а ей ставить их обоих в неловкое положение. Она могла бы просто сказать, что помолвка Иэна расстроилась и он хочет, чтобы она вернулась обратно, что он понимает... Возможная мысль, что она все еще любит Иэна, была настолько отвратительна, что у Сары свело горло. Она так долго цеплялась за свои несбыточные мечты, что уже начала спрашивать себя, не перестала ли она любить его давным-давно, но просто не разрешала себе допустить эту мысль. Это-то, конечно, и объясняло отсутствие у нее физического влечения к нему и ее уверенность в своей фригидности. Реакция на Стюарта очень быстро эту выдумку опровергла.

Долго ждать возвращения Стюарта не пришлось - «лендровер» прогромыхал по двору как раз в то время, когда она готовила кофе.

С болью в сердце Сара смотрела, как Стюарт широкими шагами пересекает двор, направляясь к двери. Как он все это воспримет? Рассердится или просто выслушает ее, склонив голову набок, и позволит ей уйти?

У нее так дрожали руки, что она с трудом удерживала кружку.

Он вошел на кухню и прямо от двери взглянул на нее.

- Стюарт... мне надо тебе кое-что сказать.

Он молча ждал.

- Дело в том... что я в результате не могу выйти за тебя замуж, - запинаясь, проговорила Сара, не смея взглянуть на него.

- Понятно.

Наступило молчание. Она в напряжении следила, как он скинул сапоги, прошел к кухонному столу, выдвинул стул и сел.

- Ты не возражаешь, если мы обсудим это сидя? - спросил он, с болезненной гримасой разгибая спину. - Очень болит спина. Кровать в комнате для гостей не самое удобное сооружение, на котором мне когда-либо приходилось спать. К тому же все утро я пересаживал молодые деревца. Твое неожиданное изменение намерений - оно идет от сердца или от ума? А может, в этом повинны события прошлой ночи?

Сара пристально смотрела на него.

- Нет, конечно, нет, - честно ответила она и вдруг сильно покраснела, так как поняла неуместность ее страстного заверения, но, к счастью, он не понял ее самопредательства и вместо этого спросил:

- Тогда почему?

Момент настал. Она сжала руки, мысленно молясь обрести силу, чтобы убедительно соврать ему.

- Сегодня утром... у меня был посетитель.

Она хотела отвернуться, но это ей не удалось, так как она сидела напротив него.

- Это... Иэн. Его помолвка с Анной расстроилась, и он просит меня... Он хочет, чтобы я вернулась к нему, и... я... в общем, ты уже знаешь, что я...

Сара с трудом проглотила слюну, чувствуя, что не в состоянии лгать, но вынуждена это делать.

- Что ты - что? - подсказал ей Стюарт. - Что ты любишь его?

Она кивнула, не в состоянии продолжать.

- Странно. Особенно когда менее часа тому назад я сам слышал, как ты говорила, что совершенно его не любишь и что не собираешься возвращаться с ним в Лондон.

Сара не верила своим ушам.

- Ты слышал? Но ты не мог... Ты...

- Я вернулся за ключами от «лендрове-ра»... Дверь в кабинет была приоткрыта. Во дворе я уже увидел чужую машину. Я не собирался подслушивать, но когда услышал, что он тебе говорит...

Он замолк, а Сара спросила слабым, охрипшим голосом:

- И как долго?.. И сколько?.. Нет, Стюарт, пожалуйста, не надо. - Она запротестовала, а он встал и подошел к ней, его намерения ясно проглядывались на его лице.

- В общем, так: я пробыл здесь достаточно долго, чтобы услышать, как ты сказала, что любишь меня, - с нежностью произнес он, поднимая ее со стула и заключая в объятия. Все ее протесты и возражения были поглощены его поцелуем. - Эти слова прозвучали для меня почти самой сладкой музыкой.

- Почти? - едва смогла пробормотать она, касаясь губами его рта. - Но...

- Самая сладкая музыка будет та, когда ты скажешь: «Я согласна», стоя рядом со мной в церкви. Сара, Сара, я не могу этому поверить даже сейчас. - Он стонал, крепко целуя и

обнимая ее. – Ты любишь меня... Я надеялся, что если я терпеливо буду ждать, то когда-нибудь ты сможешь меня полюбить, но услышать, как ты сказала ему...

– Стюарт, пожалуйста, это все бесполезно... Я не могу выйти за тебя замуж, зная, что ты любишь другую. Неужели ты не понимаешь, что это нечестно для каждого из нас?

– Я – люблю другую? – Он перестал ее целовать, немного отстранился и заглянул ей в глаза. – Господи, откуда ты это взяла? Конечно же, я люблю тебя. И полюбил с первого мгновения. Меня словно рассекло секирой, словно на меня упало огромное дерево... я чуть не умер от потрясения. Только что я был нормальным, здравомыслящим мужчиной тридцати с небольшим лет, занимался своим делом – и вдруг... Я только раз взглянул на тебя и сразу понял, что моя жизнь навсегда и необратимо изменилась.

– Стюарт... это неправда. Ты сам мне говорил о какой-то Салли.

– Салли? – Он был в полном недоумении. – Единственная Салли, какую я знаю, – это моя невестка, а что касается других... Были кое-какие связи, я признаю, я даже думал, что они станут долговременными, но никогда я не встречал женщины, которая заставила бы меня ощутить то, что я почувствовал, встретив тебя. Если я на что-то намекал, то это вышло непреднамеренно.

– Ты сказал мне... дал понять, что знаешь, что такое безответная любовь. Я решила: это должно быть, кто-то в Канаде – и ты купил дом для нее, а она отвергла тебя.

– В Канаде? Да никогда! Постой... – он улыбнулся. – А, в тот вечер, когда мы встретились и я только взглянул на тебя и сразу понял, что ты единственная желанная для меня женщина, это привело меня в замешательство. А потом ты рассказала мне про Иэна.

– Иэн. – Сара вздрогнула. – Я не могу поверить, что когда-то он нравился мне, не говоря уже о том, что я любила его. Он такой пустой, такой...

– Все это неважно для нас и нашего будущего, – любовно глядя на нее, сказал Стюарт. – Давай оставим его в прошлом и закроем эту страницу, а? Есть более важные вещи, о которых стоит подумать.

– Какие? – ошеломленно спросила Сара.

– Например, что я ощущал прошлой ночью, держа тебя в своих руках и сделав тебя своею. И я так сильно хочу это повторить, что, наверное, не выдержу оставшиеся три недели.

– Ты действительно сделал эту кровать для меня, да? – Сара продолжала удивляться, покраснев от страсти и желания, прозвучавших в его голосе.

– Вообще для нас двоих, – поддразнил он ее, – но резьбу сделал для тебя. В знак моей любви. Труд во имя любви, если хочешь. Прошлой ночью... я не думал, что так произойдет. Я только хотел подбодрить тебя, показать, что ты не права, говоря, что ты нежеланна. Но когда я дотронулся до тебя...

Сара почувствовала, как он вздрогнул.

– Я просто не мог сдержаться. Я должен был овладеть тобой, любовь моя. А потом, ты так... чутко отзывалась, так манила к себе. Я хотел остаться, чтобы ты проснулась в моих объятиях, но побоялся стеснить тебя – ты и так слишком утомилась. Я также не решился разбудить тебя

и отвезти домой. Если я не мог спать с тобой в одной постели, то по крайней мере ты была под моей крышей, Сара.

- Я люблю тебя, - ответила она, но ее слова заглушил его поцелуй.

- Нет сомнения в том, что они влюблены, - тихо сказала Маргарет Бену, когда они стояли рядом, наблюдая, как Сара и Стюарт выходят из церкви. Он обнимал ее, а она подняла лицо к нему, и он остановился, чтобы поцеловать ее.

Колокола радостно трезвонили, мальчишки-пажи громко требовали, чтобы их переодели в джинсы, а мама новобрачной вытирала платочком глаза.

Солнце заливало своим светом древний церковный двор, и все гости и зрители купались в атмосфере счастья.

- Когда Сара впервые сказала мне, что выходит замуж за Стюарта... - Маргарет не договорила и покачала головой. - Я ни разу не видела ее такой счастливой, такой... удовлетворенной.

- Не говори так громко, - усмехнулся Бен. Маргарет посмотрела на него с удивлением. - Все свершится не позднее сегодняшней ночи, или я старомоден?

- Безнадёжно, - прямолинейно ответила Маргарет, ласково чмокнув его в щеку.

- Все еще любишь меня? - тихонько прошептал Стюарт на ухо Саре.

Она повернулась к нему и одарила таким светящимся обожанием взглядом, что у него сердце перевернулось в груди.

- Тебе так необходимо об этом спрашивать? - прошептала она в ответ.

- Ммм... Да нет.

- А ты любишь меня?

- Подожди до ночи, тогда узнаешь.

Сара слегка покраснела и засмеялась, а затем шутливо прошептала:

- Посмотрим, как ты будешь любить меня через четыре месяца, когда я стану похожа на воздушный шар.

Сначала ей показалось, что он не сообразил, о чем она говорит, но потом в его глазах отразилось понимание, и он крепче сжал ее руку, недоверчиво спросив:

- Ты хочешь сказать, что...

- ...что я беременна, - договорила Сара. - Я не уверена на сто процентов, но на девяносто девять и девять десятых - да.

От радости Стюарт одновременно засмеялся и застонал:

- Вот уж выбрала время и место сообщить мне!

- Я сама не была уверена до вчерашнего вечера. Я понимаю, это немного раньше, чем мы собирались.

Он, вероятно, уловил беспокойство в ее голосе, потому что, нежно прижав к себе, тихо сказал:

- Для меня это не может быть слишком рано. Я люблю тебя, Сара.

Нагнувшись, он поцеловал ее, к явной радости зевак и под неодобрительные взгляды двух маленьких пажей.

- Посмотри на эти глупости... целуются, - прокомментировал старший.

- Действительно сентиментально, - пробормотала Маргарет. - Пусть это продлится у них как можно дольше. Это напомнило мне...

- Уважай священную обитель, женщина, - попенял ей Бен, подавляя смех.

- Это, кажется, не останавливает Стюарта и Сару, - мягко ответила Маргарет.

- Да, ты права, - согласился Бен, широко улыбаясь, и по примеру Стюарта тоже заключил жену в объятия.